

ПОЛЬША
и
РОССИЯ

*в первой трети
XIX века*

Коллектив авторов

**Польша и Россия в
первой трети XIX века**

«Индрик»

2010

УДК 94 (438)
ББК 63/3(0)52

Коллектив авторов

Польша и Россия в первой трети XIX века / Коллектив авторов —
«Индрик», 2010

ISBN 978-5-91674-087-5

В монографии впервые в российской и польской историографии комплексно исследуется история конституционного Королевства Польского 1815-1830 гг. в составе Российской империи. Рассмотрены основные тенденции экономического, общественного и политического развития польского государства, фундаментальные процессы трансформации польского общества первой трети XIX в. и его социальных и политических институтов во взаимодействии с соответствующими институтами Российской империи. Особое внимание уделено конституционному устройству Королевства, общественному движению и конспирации. Широко представлено развитие польской национальной культуры в эпоху, предшествовавшую восстанию 1830-1831 гг. Рассмотрены также проблемы взаимного восприятия и формирования национальных стереотипов поляков и россиян во взаимоотношениях общества России и Польши.

УДК 94 (438)

ББК 63/3(0)52

ISBN 978-5-91674-087-5

© Коллектив авторов, 2010

© Индрик, 2010

Содержание

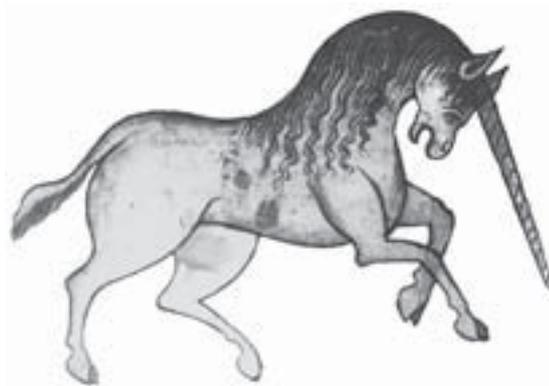
Введение	7
Глава 1.	10
1. Польский вопрос во внешней политике России накануне Отечественной войны 1812 года	10
2. Княжество Варшавское, Литва и Россия в период военных действий	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815-1830

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 09-01-16154д)

Ответственный редактор
доктор исторических наук *С.М. Фалькович*

Poland and Russia in the First Third of the Nineteenth Century. From the History of the Autonomous Polish Kingdom. 1815-1830 is the result of a scholarly research carried out by a group of experts in the history of Russia as well as Poland and dealing with such critical issues for our times as those of constitutionalism, autonomy, differentiation of authorities between the centre and local structures, particularly when the latter have specific national features. The analysis of the historical experience of Russia and Poland in 1815-1830, when the autonomous Polish Kingdom was a part of the Russian empire, makes it possible to introduce some additions into a theoretical survey of these problems, which is important for political practice as well. The authors of this collective work have conducted a comparative study of the state and socio-political systems of the Polish Kingdom and Russia, juxtaposing two different models – constitutional and autocratic, and arrived at the conclusion of their incongruity. The book offers the history of the formation of that singular symbiosis; it shows inner and outer factors that caused it. The authors analyse various aspects of political, economic and social life in Poland and Russia, revealing common or specific features. The book demonstrates the mechanism of functioning of the Polish constitution under the conditions of the tsarist autocracy; the policy of tsarism in the Polish Kingdom is also presented. Great attention is paid to the problem of the development of Polish patriotic movement; the genesis and activity of clandestine societies in the Polish Kingdom, preparations for the armed uprising are thoroughly explored. The writers give a

positive answer to the question whether the revolt of 1830 was inevitable. The book poses the question of the Russian society's views toward the Polish autonomy and constitution, tracing Polish political institutions' impact on the growth of liberal thought in Russia and the Russian liberation movement. The book emphasises the significance of the years of 1815-1830 as a milestone in the development of the relations between Russians and Poles, that left its mark on forming national consciousness and national stereotypes by both peoples.

Введение

История польского народа в Новое время была драматической – 123 года он не имел своей государственности, находился под чужеземной властью, был разделен на части, как и его территория. Это случилось в конце XVIII в., после того как Польша, являвшаяся в Средние века крупным и сильным региональным государством с развитой национальной культурой, в результате социально-экономического отставания ослабела и сделалась добычей разделивших ее соседей – России, Пруссии и Австрии. В эпоху наполеоновских войн «польский вопрос» стал объектом международной политики, а польская территория, по которой прокатились военные бури, превратилась в предмет торга европейских держав. В соответствии с их интересами возникали планы формирования на части польских земель сателлитных государственных образований. Таковым, в частности, было созданное французским императором в 1807 г. Княжество Варшавское, закончившее свое существование вместе с падением Наполеона. Его победители собрались в 1815 г. на конгресс в Вене. Это стало моментом рождения нового исторического явления – впервые концерт европейских держав выступил вершителем судеб народов Европы, занялся совместным перекариванием ее карты. Была, таким образом, заложена традиция, развивавшаяся затем в течение XIX-XX вв., а в наши дни достигшая наивысшего выражения. Венский конгресс определил новую форму существования польского народа на части его территории: было провозглашено создание Королевства Польского, которое вошло в состав Российской империи как автономное конституционное образование во главе с российским самодержцем Александром I в качестве польского короля.

В XX и XXI вв. стали весьма актуальными вопросы, связанные со сложными многонациональными образованиями. Проблемы конституционализма, централизма, автономии, взаимоотношений центра и местных структур, разграничения их полномочий и функций, особенно при наличии национальной специфики на местах, стали не просто объектом исследования теоретиков: необходимость их решения остро ощущается в сегодняшней политической практике. Поэтому попытки разрешения этих проблем в прошлом, исторический опыт ряда стран привлекают внимание как ученых, так и политиков. В этом плане результат изучения истории взаимоотношений России и Польши на довольно коротком временном отрезке 1815-1830 гг., когда возникла перспектива сосуществования двух моделей государственного устройства – конституционного и абсолютистского, самодержавного, может быть весьма поучительным и полезным. Насколько такая перспектива была реальной, могли ли быть обеспечены автономия и конституция в рамках абсолютизма, как столь экзотический симбиоз должен был отразиться на развитии всех сторон общественной жизни, на экономике и культуре русского и польского народов, на их взаимоотношениях, – все эти вопросы требуют для ответа комплексного изучения, всестороннего сопоставительного исследования.

Как в российской и польской, так и в западной историографии исторический опыт взаимоотношений России и Польши 1815-1830 гг., представляющий собой уникальное явление, не рассматривался до сих пор с точки зрения совместимости разных форм правления и общественных структур, а исследовался преимущественно в плоскости развития польского освободительного движения и его связей с революционным движением в России. Польские историки немало писали об этом периоде, но интересовались им прежде всего как этапом подготовки восстания 1830-1831 гг., которое положило конец «сожительству» конституционной и самодержавной модели. В российской исторической литературе период существования Королевства Польского был слабо освещен и рассматривался главным образом под углом развития русско-польских революционных контактов. Поэтому при его комплексном изучении решение теоретических вопросов непременно должно сочетаться с конкретно-историческим исследо-

ванием, причем довольно подробным, так как история Королевства Польского недостаточно известна российскому читателю.

Такое исследование предпринял коллектив ученых – специалистов по истории России, Польши, польской культуры, российско-польских отношений. В соответствии с комплексным характером исследования была разработана структура коллективного труда: изучению различных сторон жизни русского и польского народов были посвящены отдельные главы.

Так, большой интерес представляло сопоставление и сравнение государственного и социального строя Королевства Польского и России, а также исследование соотношения между социальным строем и государственной системой самого Королевства, являвшейся плодом совместных русско-польских политических комбинаций по решению «польского вопроса».

Важной задачей являлось определение уровня экономического развития России и польских земель к моменту создания Королевства Польского. Нужно было проследить особенности экономической политики России в первое 30-летие XIX в., проанализировать значение предоставленных конституцией Королевства возможностей экономического роста с учетом, с одной стороны, широких просторов российского рынка, а с другой – рамок системы государственного регулирования имперского центра. Большое значение также имело изучение роли экономических рычагов в развитии политического процесса в Королевстве Польском.

В задачи исследователей входило определение степени влияния материальных и политических интересов на позиции основных классов польского общества по отношению к центральной власти, а также выявление их отношения к институтам автономии, к конституционному строю в целом. Авторы коллективного труда стремились выяснить возможность функционирования политических институтов и степень реализации конституционных свобод и прав под «крылом» самодержавия. В центре их внимания находились вопросы динамики политического и идеологического развития польского общества. В связи с этим необходимо было рассмотреть патриотические проявления различных общественных групп, выявить наличие в обществе оппозиционных элементов и формирование политической оппозиции, проанализировать ее идеологические обоснования, учитывая при этом роль исторических и культурных традиций, национального менталитета.

Для решения исследовательских задач требовалось представить политику царизма в Польше, проследить ее эволюцию на разных этапах, обращая внимание на административную практику. С другой стороны, стояла задача изучить реакцию польского общества как на ужесточение политики царизма во второй половине 20-х гг. XIX в., так и на политические события, происходившие в это время в России, Королевстве Польском и за границей.

Оценка значения периода 1815-1830 гг. предполагала необходимость анализа позиции русского общества в вопросе польской конституции и автономии. Важно было выявить, как опыты конституционализма и парламентаризма в Королевстве Польском отражались в российских либеральных изданиях, воздействовали на формирование политических взглядов деятелей русского общественного движения, в частности, как они стимулировали позицию декабристов. Авторам предстояло также выяснить, как отношение русского общества к польской автономии повлияло на развитие национального самосознания русских и на формирование их представлений о Польше и поляках.

В решении этих исследовательских задач авторы коллективного труда опирались на историческую литературу, преимущественно русскую и польскую, а также на материалы источников, как опубликованных, так и хранящихся в архивных фондах Москвы, Санкт-Петербурга, Варшавы. Были использованы материалы разнообразного характера – официальные документы, мемуары, переписка, агентурные донесения и пр. Привлекались также материалы публицистики и периодики.

В частности, изучался текст конституции Королевства Польского, законодательные акты Российской империи, документы Польского сейма, официальная и неофициальная корреспонден-

денция как между Варшавой и Петербургом, так и между самими польскими политическими деятелями. В книге рассмотрены концепции национального развития Польши, содержащиеся в сочинениях польских идеологов этого времени, представлены программы польских конспиративных организаций и обществ, о которых, в частности, дает представление агентурная переписка царских властей и прилагавшиеся к ней документальные «улики». Использование этих материалов позволило выявить эволюцию общественного мнения в Королевстве, изменения в настроениях и взглядах польского общества, в том числе на соотношение конституционных норм и неограниченной власти. Такой анализ лег в основу формирования выводов о значении конституционного периода в истории Польши как в плане экономического, социального и культурного развития, так и в плане национального самосознания и идейного созревания польского народа, подъема национального движения, формулирования национально-освободительных программ. Он должен был дать ответ на вопрос, возможно ли существование автономной конституционной части в недрах абсолютистского целого, насколько оно зависит от национальной специфики, исторических традиций, является ли крах польской автономии, обозначенный восстанием 1830 г., частным случаем, фатальным сочетанием ряда факторов или же проявлением общей закономерности.

Выяснение этого вопроса имеет не только конкретно-историческое, но и теоретическое значение. В то же время весьма важным в практическом плане является вывод о том, какое влияние оказала эпоха польской автономии на взаимоотношения русского и польского народов, что принесла она в плане революционного сотрудничества, идейной переклички, культурного сближения, с одной стороны, и какую роль сыграла в усилении русско-польского антагонизма и конфронтации, с другой. Это дает возможность оценить значение периода первой трети XIX в. в процессе формирования у русских и поляков национального самосознания, выработки ими национальных стереотипов и в результате лучше понять современные тенденции в развитии отношений обоих народов.

Глава 1.

Россия и создание конституционного Королевства Польского

1. Польский вопрос во внешней политике России накануне Отечественной войны 1812 года

В результате разделов в конце XVIII в. Польское государство перестало существовать. Земли Речи Посполитой оказались включенными в состав трех соседних держав: Австрии, Пруссии и России. Однако поляки, прежде всего политически активные силы польского общества, не утратили надежды на восстановление Польши. Специфическая социальная структура, в частности наличие многочисленного слоя польского дворянства (магнатории и шляхты), исторические традиции, выражавшиеся как в длительном существовании собственного независимого, могущественного и имевшего по европейским меркам огромную территорию («от моря до моря» – от Балтики до Черного моря) государства, так и в своеобразном политическом устройстве – республиканской монархии, – все это вело к возникновению определенного типа идеологии, складыванию своеобразной модели национального самосознания и особой национальной психологии. В центре общественного внимания и интереса образованных слоев польского общества находились проблемы восстановления независимого польского государства, воссоздания его целостности, национальной самоидентификации. Предпринимавшиеся в конце XVIII в. усилия по проведению реформ: созыв и работа Четырехлетнего сейма (1788-1792 гг.), принятие Конституции 3 мая 1791 г., так же как и попытки вооруженной борьбы (восстание Тадеуша Костюшко 1794 г.), оказались безрезультатными и не смогли предотвратить окончательного падения Речи Посполитой. К России отошли литовские, белорусские, украинские земли, значительную долю населения которого составляли поляки, прежде всего польская шляхта. В результате состоявшегося в 1795 г. последнего раздела польского государства – Речи Посполитой – с политической карты Европы исчезло слово «польский», название «Польское королевство» упразднилось «раз и навсегда». Оно появилось вновь спустя два десятилетия, когда было воссоздано польское государство под исторически традиционным названием «Королевство Польское». Определяющая роль в его восстановлении принадлежала России, лично российскому императору Александру I. Екатерина II, во время царствования которой произошли разделы Польши, с особым вниманием относилась к воспитанию и образованию будущего наследника престола. Готовя его к занятию императорского трона, видя в нем своего политического преемника, императрица стремилась дать ему, а также его брату великому князю Константину, на которого также возлагались большие надежды, широкое европейское образование. Для занятий с ними в Петербург был приглашен швейцарский генерал, республиканец по убеждениям Ф.Ц.Лагарп. Он оказал большое влияние на формирование политических взглядов и вообще на становление личности будущего российского императора. Вторым лицом, чье влияние на Александра I было не менее сильным, стал поляк Адам Ежи Чарторыйский.

После разделов Речи Посполитой в пределах Российской империи оказались значительные земельные владения польских аристократов. В их числе были и земли Чарторыйских, богатой и влиятельной «фамилии», имевшей родственные связи с последним польским королем Станиславом Августом (Понятовским). Крупный польский магнат и активный политический деятель Адам Казимеж Чарторыйский, претендовавший даже на занятие трона, но

отказавшийся в пользу своего двоюродного брата Станислава, стал австрийским подданным, поскольку имел земельные владения и в той части Речи Посполитой, которая вошла в состав империи Габсбургов. Имена Чарторыхских, находившиеся в пределах Российской империи на Волыни и в Подолии, после третьего раздела Польши были конфискованы российскими властями¹, и австрийский император Франц II² обратился к Екатерине II с просьбой об их возвращении. Обеспокоенные судьбой своих земель в России, Чарторыхские пытались найти выход из сложной ситуации, чтобы сохранить свои владения. По совету хорошо знакомого им Н. В. Репнина, ранее, в 60-е годы XVIII в., бывшего полномочным послом в Польше, а к тому времени занимавшего пост литовского и виленского генерал-губернатора, А. К. Чарторыхский решил направить своих сыновей Адама Ежи и Константья Адама в Петербург³, с целью подчеркнуть свою лояльность императрице. Екатерина II сочла это возможным при условии, что они поступят на русскую службу. Пребывание братьев в Петербурге способствовало изменению их представлений о русских, которые вначале были крайне негативными. В своих мемуарах А. Чарторыхский писал: «Мало-помалу мы пришли к убеждению, что эти русские, которых мы научились инстинктивно ненавидеть, которых мы причисляли, всех без исключения, к числу существ зловредных и кровожадных, с которыми мы готовились избегать всякого общения, с которыми не могли также встречаться без отвращения, – что эти русские более или менее такие же люди, как и все прочие, что между ними есть умные молодые люди, люди вежливые, приветливые, на словах, по крайней мере [...], что в общем можно жить в их обществе, не испытывая чувства отвращения, что даже можно иногда считать себя обязанным питать к ним дружбу и чувство благодарности»⁴. Постепенно между великим князем Александром и А. Чарторыхским, который был на 7 лет старше, начали складываться доверительные дружеские отношения. Чарторыхский был хорошо образован, имел уже определенный опыт в политических делах. Он путешествовал по европейским странам, некоторое время жил в Англии, где изучал, в частности, ее конституцию.

Последовательная позиция Чарторыхского по польскому вопросу, его твердая убежденность в необходимости возрождения польского государства оказала влияние на становление взглядов будущего императора, прежде всего по вопросу о Польше. Неоднократно описанная в исторических трудах знаменательная прогулка Александра с польским приятелем явилась одним из кульминационных эмоциональных моментов в их отношениях. Однажды, весной 1796 г., когда Екатерине II жить оставалось всего лишь полгода, Александр, гуляя с Чарторыхским по саду Таврического дворца, сказал, что он «совершенно не разделяет воззрений и принципов правительства и двора, что он далеко не оправдывает политики и поведения своей бабки и порицает ее принципы». Великий князь заметил, что его «симпатии были на стороне Польши и ее славной борьбы». По свидетельству Чарторыхского, Александр «признался, что ненавидит деспотизм везде, в какой бы форме он ни проявлялся». Таким образом, внушенные Лагарпом принципы проявились в мировоззрении будущего наследника российского престола. Это заявление Александра произвело огромное впечатление на Чарторыхского. Много лет спустя он написал в своих мемуарах, что этот день «имел решительное влияние на большую часть его жизни и на судьбы его отечества». «С этого дня и после этого разговора, – откровенно заявлял он, – началась моя преданность великому князю, я могу сказать, наша дружба»⁵.

Однако с восшествием на престол Павла I в судьбе Чарторыхского произошел резкий поворот. Его дружбу с великим князем новый император посчитал вредной, и польского аристократа отправили послом на Сардинию. Несколько лет спустя, как только Александр стал императором, он сразу же возвратил Чарторыхского в Петербург. Император предложил ему пост товарища (заместителя) министра иностранных дел. По свидетельству самого Чарторыхского, он долго отказывался, объясняя отказ тем, что его назначение «возбудит удивление и недовольство русских», что его чувства к Польше не могут измениться и потому могут войти в

противоречие с обязанностями возлагаемой на него службы. Убеждая его принять предложение, Александр I приводил следующие аргументы: во-первых, в настоящий момент такого рода затруднений он не видит, а во-вторых, Чарторыйский всегда может подать в отставку. В мемуарах Чарторыйский постоянно подчеркивал неизменность своей позиции относительно Польши. Этот акцент нельзя, по-видимому, рассматривать как более поздний «отпечаток», как результат его изменившегося впоследствии отношения к России: письма Чарторыйского того времени, источник более объективный, подтверждают слова о тех трудностях, которые тревожили его при раздумьях о предложении Александра I. «Принимая место, – писал он в одном из писем, – я решил не делать ничего, что могло бы неблагоприятно повлиять на будущее моего отечества»⁶. Предвидение Чарторыйского оправдалось: назначение его товарищем министра иностранных дел было отрицательно воспринято русским обществом и стало, по его собственному выражению, «предметом непрерывных нареканий и постоянной критики» в адрес Александра I. Чарторыйский следующим образом охарактеризовал отношение к себе окружающих: «Поляк, пользующийся полным доверием императора и посвященный во все дела, представлял явление оскорбительное для закоренелых понятий и чувств русского общества»⁷. Польский князь остро ощущал и на своем личном опыте осознавал, какую важную роль приобретало общественное мнение.

Международные отношения в Европе начала XIX в. отличались чрезвычайной сложностью и подвижностью, политические союзы и ориентации изменялись непрерывно. Активная агрессивная внешняя политика Наполеона, хотя и проводившаяся под освободительными лозунгами, вела как к территориальным изменениям, так и к нестабильности позиций великих и малых европейских государств. Все страны опасались угрозы со стороны Франции, в то же время они не желали и усиления России. При этом они полагали, что в случае их неверных политических шагов могут начаться военные действия, прежде всего со стороны Франции или России, а вследствие этого они могут потерять часть своих территорий или даже утратить свою независимость.

В определении внешнеполитической линии России А. Чарторыйский занимал заметное место. Назначенный Александром I в 1802 г. товарищем министра иностранных дел, фактически он оказался главой ведомства. Значительная часть русского общества с неодобрением относилась к пропольским настроениям молодого императора, так же как и к выдвижению Чарторыйского. Заняв высокий пост в российской внешней политике, Чарторыйский «льстил себя надеждой создать политическую систему, которая, основываясь на принципах справедливости, могла бы со временем оказать счастливое влияние на судьбы Польши». «Я уже предвидел разрыв с Францией, – вспоминал он об этом времени. – Русские всегда подозревали меня в желании склонить русскую политику к тесной связи с Наполеоном, но я был далек от этой мысли, ибо для меня было очевидным, что всякое соглашение между двумя этими государствами было бы губительным для интересов Польши»⁸.

С самого начала внешнеполитической деятельности Чарторыйского его планы были направлены на то, чтобы польское государство «восстанавливалось бы под скипетром России»⁹. В частности, Чарторыйский направил русскому представителю в Вене А. К. Разумовскому указание поставить в известность об этих планах австрийский двор. Австрия не возражала против них, но при условии сохранения прежних границ Галиции¹⁰. В это время и Англия обещала дать свое согласие на восстановление Польши.

Основная линия позиции А. Чарторыйского относительно Польши – делать все возможное для восстановления польской государственности – на протяжении всей его жизни оставалась неизменной, но в зависимости от конкретных условий и обстоятельств его взгляды претерпевали некоторую трансформацию, а отношение к форме их реализации менялось коренным образом.

Еще в 1804 г. в его «Записке об устройстве европейских дел, в случае удачного окончания войны» излагался следующий план: «Русский император, приняв титул царя польского, получает все земли, принадлежавшие Польше до ее первого раздела, включая и так называемое Прусское королевство», потери же Пруссии будут компенсированы ей другими территориями¹¹. С началом наполеоновских войн Чарторыйский попытался активнее влиять на внешнеполитический курс Александра I. В одной из записок 1806 г., представленной императору, он отрицательно оценивал его политику, характеризуя ее как «пассивную», и предупреждал, что если так будет продолжаться, то Наполеону удастся «похитить» и «превратить в свою собственность» те народы, которые «считают русских своими братьями». Он высказывал также опасение, что Наполеон может отдать польскую корону кому-либо из представителей королевского дома Пруссии¹².

В 1806 г. Чарторыйский представил Александру I еще один документ – «Записку о мерах, которые необходимо принять по отношению к бывшим польским провинциям»¹³. Речь шла о польских землях, вошедших в состав России. В «Записке» явно просматривалась «обида» князя на императора. Документ является любопытным доказательством достаточной простоты и неофициальности их отношений, которые сложились к этому времени. «В настоящей записке я не имею в виду давать советы и не собираюсь предлагать никаких способов действий», – писал Чарторыйский. Эта записка, замечал он, – «простой набросок первых попавшихся мыслей», и с этими первыми пришедшими на ум мыслями он мог позволить себе обратиться к императору. По его мнению, для того чтобы удержать польские провинции, надо «вызвать энтузиазм и любовь к нам [России. – Г. М.] жителей», следует также удержать и польские провинции Пруссии, всячески оберегать «наши» польские провинции от смуты и избегать там проявлений излишней подозрительности и «неуместной строгости». Чарторыйский объективно стоит на позициях России и защищает ее интересы, причисляя к ней и самого себя: «мы» – это российские власти, т. е. Чарторыйский мыслит как представитель российской администрации. Таким образом, перед угрозой со стороны возможных соперников-неприятелей российские и польские интересы переплетались, а во многом и совпадали. В записке Чарторыйский вновь обращал внимание императора на необходимость считаться с польским общественным мнением и оказывать на него воздействие в нужном направлении. Для этого Александр I должен обратиться с воззванием к населению западных провинций, стараясь пробудить в поляках «чувство того древнего родства, которое должно объединять между собою все славянские нации». Чарторыйский предлагал также использовать и другие способы: «поместить в газетах и в периодических изданиях разные статьи или издать их отдельными брошюрами и памфлетами, чтобы направлять общественное мнение и разрушать действие тех обращений, которые появятся от имени врага».

Князь подчеркнул, что в случае если Александр I решит объявить себя польским королем (в тексте записки эта мысль сформулирована весьма изысканно: «если обстоятельства приведут Ваше величество к решению [...]»), то нужно будет разработать план, в соответствии с которым при прочной централизованной власти потребуется дать новому королевству конституцию, «способную примирить права неограниченной монархии с учреждениями и формами», которые Польша получит «под отеческою властью Вашего величества». Необходимо опередить Бонапарта, пробудить в поляках надежду на «новое существование»¹⁴. Из «Записки» следовало, что с самого начала разговоров и размышлений относительно восстановления Польши выявлялось то противоречие, которое с неизбежностью возникнет при соединении либерально устроенного автономного (в большей или меньшей степени) государственного образования и центральной власти – неограниченной монархии, а также обнаруживалось и понимание того, что каким-то образом это противоречие необходимо снять.

В конце 1806 г. Чарторыйский подал Александру I специальную записку о Польше¹⁵. «Польша, – отмечалось в ней, – в силу сложившихся обстоятельств, сделалась главным центром интересов двух столкнувшихся держав [России и Франции. – Г.М.] [...]. Именно Польша служит Бонапарту основной базой для борьбы с Россией и средством проникнуть вплоть до ее старых границ». В Польше, писал князь, Наполеон «встретит население, легко возбуждающееся и способное быстро осваиваться с военным делом, найдет храбрых и опытных офицеров, деньги и съестные припасы и страстное желание защитить существование и свободу своего отечества». Он характеризовал такими словами отношение русских к полякам: для России поляки являются «постоянной причиной беспокойства и подозрений», «тщетно Польша предлагает все силы для доставления средств к войне и для защиты русского трона». «Правительство, – писал он, – боится воспользоваться этими средствами, чтобы не вызвать неудовольствия русского населения, оно боится вовлекать в войну поляков, чтобы они не обратили своего оружия против России же». Чарторыйский продолжал настаивать: чтобы привлечь поляков на сторону России, по его мнению, существует единственное средство – следует объявить Польшу королевством, а ее наследственными королями провозгласить русского императора и его наследников. Тогда Польша станет барьером, преграждающим путь Наполеону: «Россия, присоединив к себе Польшу, создаст себе в ее лице аванпост», «создаст оплот, недоступный никакому прямому захвату, и этим положит начало той счастливой связи, которая должна будет когда-нибудь объединить вокруг нее все разрозненные ветви древней славянской семьи». В этих словах, несомненно, слышны отзвуки славянофильства, идеи славянской общности, даже панславизма, несмотря на то, что ни в начале XIX в., ни позднее в Польше не пользовалась популярностью мысль об объединении славянских народов под главенством России. Вероятно, на «пророссийской» ориентации Чарторыйского сказало влияние его русского окружения. Настаивая на реализации своих планов в отношении Польши, он пытался представить различные аспекты тех выгод, которые получит Россия. Но, предвидя возможную реакцию со стороны русского общества, он предлагал Александру I готовые ответы на вероятные вопросы и возражения, которые могли бы возникнуть у представителей просвещенной элиты. Чарторыйский предлагал парировать опасения, что «восстановление Польши равносильно отделению от государства одной из его составных частей», следующим образом: «Ведь отделение это лишь внешнее. Польская корона осталась бы неразрывно связана с русским тронem». Чарторыйский постоянно балансировал на грани: с одной стороны, он выступал за восстановление Польши как отдельного государства, а с другой – считал, что «новая Польша» будет «неразрывно связана с Россией», тем самым признавая, что самостоятельность ее будет весьма ограничена¹⁶.

В «Записке» шла речь не только о возрождении польского государства, но и о том, каким должно быть его политическое устройство. Чарторыйский высказывал императору свои соображения, как следует действовать: «[...] чтобы зажечь энтузиазм поляков, нужно дать им управление, сообразно с их желаниями и их старыми законами [...]. Нужно, чтобы милости императора превосходили предложения и соблазны Бонапарта. Благодаря этим же милостям связь между империей и польской нацией станет только крепче». Стремясь убедить императора, Чарторыйский в качестве примера ссылался на венгерско-австрийские отношения, установившиеся внутри империи Габсбургов: «[...] с каких это пор автономная конституция стала менее надежной гарантией постоянной и полной покорности? Венгерское королевство, несмотря на предоставленные ему свободы и прерогативы, уже целые века служит примером верности и самой надежной поддержкой Австрии». «Записка» содержала также обширные рассуждения Чарторыйского относительно того, каким образом можно было бы нейтрализовать недовольство Пруссии и Австрии, компенсировать их территориальные потери, неизбежно возникшие бы при объединении польских земель, и какие следовало бы предпринять в связи с этим дипломатические шаги. В заключительной части документа Чарторыйский еще раз делал акцент на вопросе о внутреннем устройстве Польши: надо, «наконец, немедленно разработать в необхо-

димых деталях план будущей внутренней организации нового королевства, в котором должны быть согласованы неотъемлемые права государя с учреждениями и порядками, которыми дорожит польский народ и большая часть которых была им сохранена под отеческим владычеством Вашего императорского величества»¹⁷.

Таким образом, еще задолго до восстановления Польского королевства, до введения конституции, было уже очевидно, что соединение государства с монархическим, абсолютистским типом правления и автономного государственного образования, имеющего конституцию и парламент, – дело чрезвычайно сложное, требующее серьезной предварительной разработки государственно-правовых основ.

Подписанный в Тильзите 25 июня (7 июля) 1807 г. * мирный договор между Россией и Францией определял и судьбу части польских земель.

В данной главе даты приводятся с учетом обозначения в историческом источнике. Европейские события, как правило, датируются по новому стилю; в российских источниках для датировки обычно используется старый стиль. В тех случаях, когда речь идет о международных событиях с участием России, дается двойная дата.

Условиями мира предусматривалось образование из польских владений Пруссии Княжества (Герцогства) Варшавского. Оно включалось в наполеоновскую политическую систему, и на него распространялось действие Кодекса Наполеона. Французский император отдал вновь образованное Княжество саксонскому королю Фридриху-Августу I, который к недавно полученному королевскому титулу присоединил и титул герцога Варшавского. Таким образом, «барьер» между государственно-политическими пространствами двух империй – России и Франции – перестал существовать: Княжество Варшавское становилось аванпостом военных сил французского императора. Однако России необходимо было обезопасить свою западную границу, для чего следовало попытаться согласовать с Францией позиции относительно польского вопроса. Россия опасалась восстановления польского государства, которое находилось бы полностью в орбите французского влияния. Начались переговоры и длительная дипломатическая переписка по подготовке конвенции, которая должна была определить будущую судьбу поляков.

Ни сам Наполеон, ни министр иностранных дел Франции Ж. Б. Шампаньи не выражали прямого согласия на подписание конвенции о Польше. Эта неопределенность вызывала раздражение у российских властей, поскольку «польский вопрос» продолжал оставаться одним из центральных в российской внешней политике. Точка зрения Александра I по этой проблеме была изложена французским послом в Петербурге А. О. Коленкуром в его донесении Наполеону. В апреле 1809 г., когда шли военные действия между Францией и Австрией, он сообщал о позиции российского императора: «Если Австрия должна быть разгромлена, она [Россия, выступавшая на стороне Франции. – Г.М.] не потерпит, чтобы Галиция вся или часть ее попала в другие руки, а не в ее, потому что, если бы что-нибудь отошло от Галиции к Герцогству Варшавскому, то это было бы шагом вперед к реставрации Польши и поэтому совершенно против главных интересов России»¹⁸. По мнению великого князя Николая Михайловича, профессионально как историк занимавшегося изучением взаимоотношений между Россией и Францией этого периода, поляки при разгроме Австрии могли бы потребовать восстановления Польского королевства. Тогда бы на западных границах России возникла Польша, явно ей враждебная, «покорная послушница Наполеона, на которого и без того возлагались все надежды поляков»¹⁹. В случае разрыва России с Францией поляки, уже служившие в рядах наполеоновской армии, примкнули бы к Наполеону, «агенты которого и без того наполняли все Варшавское Герцогство и Саксонию»²⁰.

Российские политики уделяли пристальное внимание тем настроениям, которые существовали среди поляков по отношению к России. Об этих настроениях, и в частности о пози-

ции князя Ю. Понятовского, писал в донесении от 24 мая (5 июня) 1809 г. барон А. Ф. Розен. Возвращаясь в Россию из Австрии через Польшу, он сообщал главнокомандующему Молдавской армией А. А. Прозоровскому: «Во время моего пребывания у князя Понятовского его дежурный генерал фон Фишер неоднократно внушал мне, что Польша очень хотела бы, чтобы император всероссийский принял предложение, сделанное поляками в 1805 году²¹, что они повторяют теперь свое предложение и хотели бы на деле это доказать, как только сам государь прокламацией или другим удобным для него способом провозгласит себя королем Польши; что этот акт не только будет принят и признан с величайшим энтузиазмом, но и что все состоящие до сих пор в иностранных армиях и соединениях присоединятся к русской партии. Для осуществления всего этого достаточно будет даже небольшой помощи со стороны русских войск. По его словам, тогда все поляки стали бы единодушны. Если бы Польша с помощью России возродилась бы в качестве королевства, пропала бы всякая привязанность к Франции». Далее приводились слова Понятовского, сказанные Розену при отъезде его из Варшавы: «Князь Понятовский сам сказал, что он и все поляки хотят убедить нашего монарха в том, как страстно хотят они вернуть с его помощью своей нации независимое существование и быть объединенными с Россией в качестве государства польского, что это не только возможно, но и необходимо для блага России». Такое объединение, заключал он, стало бы преградой на пути агрессивной Франции, дало бы возможность заключить выгодный мир с Англией, и в итоге «Россия превратилась бы в сильнейшую державу на континенте»²².

Немного позже Александр I через канцлера Н. П. Румянцева получил записку главнокомандующего армией в Галиции С. Ф. Голицына, специально посвященную настроениям поляков. Она являлась приложением к его письму из Люблина от 4 (16) июня 1809 г. «Нет ни единого поляка, – писал Голицын, – который не бредил бы восстановлением отечества своего, что и весьма естественно, ибо кто не пожелает, чтобы земля та, на коей родился, принадлежала одной власти, и предками признаваемой. Польское королевство, разделенное между тремя державами, оставило в недрах своих многих из довольно знатных жителей, потерпевших от сего раздела и в рассуждении имений, и также по личным почестям. Многие даже оставили свое отечество и в надежде восстановления оного жертвовали и жертвуют не только последним имуществом, но и жизнью чужой державе, подающей им к тому надежду. Все таковые употребляют разные способы уверять народ в событии пламенного их желания, а от того возникают при малейшем случае мятежи. Чтобы все умы привести в равновесие, чтобы водворить повсюду спокойствие, необходимо нужен им король, но король не из их среды себе избираемый, могущий быть вассалом сильной какой-либо державы, а владетель, по достоянию своему и по влиянию на всю Европу имеющий все способы сделать королевство сие почтенным». Общий вывод автора записки был следующим: «Истинно все благомыслящие поляки жаждут о той минуте, в которую провозглашен будет их королем Александр, император всероссийский». Голицын полагал, что королевство останется, «только под иным видом, не иным чем, как российской провинцией». По его мнению, российский император, приняв на себя «достоинство короля польского», должен установить на «вечные времена, что российские государи суть рожденные короли польские, имеющие право назначать вместо себя для управления сим королевством наместников, управляющих именем и властью государей всероссийских». Относительно размера территории королевства Голицын писал, что оно «составилось бы из всей прежде бывшей Польши, исключая Белоруссию и отошедшее к составлению Киевской и Подольской губерний»²³.

15 (27) июня 1809 г. Н.П. Румянцев сообщил С. Ф. Голицыну, что «государь император с благоволением изволил принять изложение мыслей вашего сиятельства по предмету восстановления бывшего Королевства Польского и присоединения оного на вечные времена к Российской империи». Далее он передавал соображения императора по «польскому вопросу», сле-

ланные «в полной откровенности». В отношении территории будущего польского государства явное сомнение вызывала целесообразность воссоздания его в границах, существовавших до разделов: «С восстановлением королевства Польского в первобытном его состоянии не должны ли отойти от России разные области, прежде сего Польше принадлежавшие?» Объединение с поляками, считал император, было бы чревато конфликтами в будущем. Излагая собственную позицию, Румянцев писал: «Можно ли положиться на постоянство польской нации, и под самым видом пылкого их желания соединиться ныне под скипетром его величества не кроется ли больше умысла, чтобы тем удобнее возвратить ту часть Польши, которая России досталась, и потом вовсе отмежиться от нас?» В качестве примеров, «сколь слаба и ненадежна связь между соединенными под одною властью, но под разными именами и на особых правах государствами», он приводил Венгрию и Ирландию. Он полагал, что вряд ли России стоит идти по такому пути. Румянцев не видел «причины не надеяться», что со временем польские провинции, присоединенные к России, могли бы сделаться «совершенно русскими», «особливо же когда минет то поколение, в глазах коего совершились последние происшествия и еще мечтается блеск престола самодержавного»²⁴.

Вопрос о Польше рассматривался российской правящей элитой в широком международном масштабе. Присоединение Польского королевства к Российской империи, подчеркивал Румянцев, будет иметь негативные последствия для всей сложившейся расстановки сил в Европе, поскольку в этом случае «связь между державами, по разделу Польши естественно [за] интересованными друг друга поддерживать, тогда совершенно рушится». В итоге вывод был таков: император желает видеть Польшу «в настоящем ее положении и присоединения Польши в прежнем составе ее не изволит признавать полезным для империи», тем более что восстановление Польского королевства могло бы грозить отторжением от Российской империи «края Белорусского и участков, отошедших к составлению Киевской и Подольской губернии». Это были политические соображения стратегического характера. В то же время в письме содержались и конкретные инструктивные указания тактического плана. Изложены они были достаточно витиевато, в целом же смысл их заключался в том, что действия, предпринимаемые российской стороной, ни в коем случае не должны были оттолкнуть ориентировавшиеся на Россию польские круги. «Его императорское величество, – отмечалось в нем, – приемля в уважение, с одной стороны, представление Вашего сиятельства, что, льстя надеждам поляков о восстановлении их отечества к общему их желанию быть под скипетром его величества, можно удержать их в спокойствии и восстановить между ими тишину и повиновение, а с другой, чтоб в противном случае и преуспев, может быть, в продолжение нынешней войны оказать важную услугу Франции, они обратятся к императору Наполеону с домогательством о составлении особого царства из Герцогства Варшавского и Княжеств Галицийских, что нам весьма невыгодно, государь император соизволяет, чтобы Ваше сиятельство, удостоверясь в полной мере, что магнаты варшавские и галицийские прямое и твердое имеют желание поступить под скипетр его императорского величества, употребили между ними под рукою и в виде собственного побуждения Вашего внушения, что ежели они действительно намерены, составя из Герцогства Варшавского и Княжеств Галиции особое царство под именем королевства Польского, верить скипетр оного на вечные времена государю императору и его преемникам, то Вы почти уверены, что таковой подвиг их и предложение о том не останутся безуспешны и что Вы, с Вашей стороны, приемлете на себя быть в сем деле ревностным ходатаем, обещая донести о таковом их желании государю императору со испрошением все милостивейшего соизволения, чтоб им было позволено отправить к высочайшему двору на тот конец депутацию»²⁵.

В письме от 5 (17) сентября 1809 г. С. Ф. Голицын еще раз возвращался к польским делам. На этот раз он писал непосредственно императору: «[...] мыслил я, что доколь бывшая Польша останется в настоящем положении, все будет камнем преткновения и яблоком раздора. Враги наши употреблять будут воспаленное воображение поляков в свою пользу, и Россия

вечно с сей стороны не будет обеспечена». Он вновь предлагал решение «польского вопроса», отличавшееся от мнения императора: «Одно только представляется уму моему, то есть, чтобы остатки Польши присоединить на вечные времена к Российской державе». «[Ваше величество] соизволили, – обращался Голицын к Александру I, – изъяснить некоторым образом согласие на восстановление Польского королевства под скипетром Вашего императорского величества, из обеих Галиций и Герцогства Варшавского состоять имеющего, лишь бы изъяснили они на то собственное согласие». В результате усилий, предпринятых им для выяснения общественного мнения поляков по этому вопросу, Голицын пришел к выводу, что «ныне не токмо все благомыслящие обыватели того желают, но и войско готово дать в верности Вашему величеству присягу, коль скоро соизволите принять на себя достоинство польского короля. Сие мне известно от многих высших чиновников варшавской армии». Голицын настоятельно советовал императору не упустить подходящий, по его мнению, момент: «Если в план вашего императорского величества входит корона польская, то настоящая эпоха самая к тому способнейшая. Надобно пользоваться временем и общественным мнением». Он считал, что Наполеон должен на это согласиться, «ежели союз с Россией расторгнуть не пожелает». Должна была согласиться на такие действия России и Австрия, так как «императору австрийскому [чем] лишиться обеих Галиций, гораздо приятнее видеть их во владении Вашего величества, нежели отдать в удел кому-либо из дома императора Наполеона»²⁶.

Во время переговоров между Францией и Австрией об условиях заключения мира в конце августа 1809 г. в Вену прибыл флигель-адъютант полковник А. И. Чернышев. Через него Александр I передал послание Наполеону. В нем, в частности, российский император напоминал «об интересах России относительно вопроса о „бывшей Польше“⁶⁴, о которых он заявлял еще в Тильзите и Эрфурте»²⁷. Чернышев сообщал Александру I свое мнение, которое сложилось у него относительно позиции Наполеона, а также о тех внешнеполитических шагах, которые безотлагательно должны быть предприняты Россией: «Хотя Наполеон им [европейским правительствам. – Г. М.] и показывает себя миролюбивым, но это притворство: его честолюбию и захватам нет пределов. Во Франции всеобщее неудовольствие вследствие несчастной войны испанской, прекращения торговли, банкротств, деспотизма. Нужно поскорее заключить мир с Турциею, снестись с Австриею и Швециею, первой обещать часть Валахии и Сербию, второй – Норвегию, войти внезапно в Герцогство Варшавское и императору Александру провозгласить себя королем польским. Участь поляков печальна: налоги, лишения всякого рода; они все это сносят в надежде сделаться нацией, и если император Александр осуществит эту надежду, то поляки примут сторону русского императора против французского»²⁸.

Примерно в это же время французский посол А. О. Коленкур писал в Париж о настроениях русского общества в Петербурге: «Беспокойство и брожение умов достигло здесь высшей степени [...], всякий говорит со мною и даже атакует меня по польскому вопросу». Общее мнение таково, передавал он, «что надо всем пожертвовать, только не допускать присоединения Галиции к Великому Герцогству, это даже повторяется постоянно императором и графом Румянцевым»²⁹.

14 октября 1809 г. в Шёнбруннском дворце в Вене был подписан мирный договор между Францией и Австрией, по которому Австрия утрачивала значительные территории с населением 3,5 млн. человек. Королю Саксонскому как герцогу Варшавскому отходила часть Галиции с населением 1,5 млн. человек, а к России – территория с 400 тыс. жителей. В итоге территориально Польша была воссоздана почти в своих этнических границах: в состав Княжества Варшавского входили Варшава, Познань, Краков³⁰. Таким образом, настойчивые пожелания России, чтобы результаты войны не привели к усилению Княжества Варшавского, оказались проигнорированными. Правда, Наполеон поспешил заверить российское правительство в сохранении дружественных отношений и поручил министру иностранных дел Ж. Б. Шампаны

написать Румянцеву, что позиция, занимаемая Францией по польскому вопросу, не противоречит интересам России. 20 октября 1809 г. Шампаньи писал из Вены российскому канцлеру: «Император не только не желает вызвать мысль о восстановлении Польши, которая так далека от его видов, но он готов содействовать императору Александру во всех тех мерах, которые могли бы истребить навсегда воспоминания о ней и ее прежнем населении. Его величество соглашается на то, чтобы слова „Польша“ и „поляк“ не только бы исчезли из всех политических договоров, но даже из истории». Далее заявлялось: «Император Наполеон готов всеми средствами содействовать всякой мере, которая бы обеспечивала спокойствие и покорность старых поляков, и он полагает, что им же может принести пользу, избавив их от новых несчастий, подчиняя их более мудрому и отеческому правительству императора Александра, своего союзника и друга»³¹.

Российские власти сочли, что соображения Наполеона по польским делам не должны оставаться тайной для поляков, и с письмом Шампаньи был ознакомлен, в частности, А. Чарторыйский. В разговоре с Александром I он признавался, что читал его с грустью. При этом польский князь упрекал российского императора в уклонении от прежних намерений в отношении Польши: «Торжество, с которым здесь было объявлено об отнятии у поляков всякой надежды, кажется мне способным скорее послужить на пользу Наполеону, чем во вред, так как благодаря этому все, что есть в подобном образе действий позорного, падет всецело на русского императора». Александр I объяснял свои дипломатические шаги невозможностью действовать в прежнем русле³². Пытаясь смягчить ситуацию, император еще раз повторил, что в настоящее время он не видит возможности осуществить свой план в отношении Польши и что пока единственно возможным считает «создание особого управления в польских провинциях, принадлежащих России». Однако, добавил он, по его мнению, и этот план «встретит противодействия со стороны русских»³³. В ответ Чарторыйский заявил, что он не может не принимать самого живейшего участия в делах своей родины. «В этой новой стране, – сказал он, – живут мой брат, мои сестры, вся моя семья, и это причина не брать здесь [в России. – Г. М.] на себя какое-либо дело»³⁴. Еще в 1806 г. А. Чарторыйский уволился из министерства иностранных дел и оставил за собой только должность куратора Виленского учебного округа, который он возглавлял с 1804 г.

Российский посол в Париже А. Б. Куракин был чрезвычайно обеспокоен тем, как развивались события. В донесении Александру I от 21 октября (2 ноября) 1809 г. он акцентировал внимание императора на опасном для России усилении на ее границах Княжества Варшавского: «Герцогство Варшавское, после присоединения Новой Галиции и территории вокруг Кракова, а также округа Замостья, входящего в Старую Галицию, и вследствие совместного с Австрией использования соляных копей Велички, становится крупной державой второго ранга с населением около 5 млн.» Оно намерено «держат постоянно под ружьем 80 тыс. отборных войск, уже имеющих боевой опыт, обученных французскими генералами и унтер-офицерами» и благодаря Франции снабженных необходимым вооружением. «Герцогство Варшавское, чья мощь и военные силы столь значительно возросли в результате присоединения части обеих Галиций, – считал Куракин, – представляет для нас другую, несравненно большую [чем иллирийские провинции. – Г. М.], опасность, являясь еще одной точкой соприкосновения [...], ибо оно ставит нас лицом к лицу с Францией». По мнению посла, Княжество Варшавское – «это ядро, вокруг которого готовится объединение всех частей бывшей Польши», оно «сеет семена недовольства и мятежа во владениях Вашей империи, бывших некогда польскими и ожидающих лишь сигнала Франции, чтобы взбунтоваться». Куракин подчеркивал негативные результаты Венского договора для России: теперь Франция будет оказывать «полное и неоспоримое влияние» на весь континент. Посол полагал, что одной из внешнеполитических целей Наполеона станет задача направить против России Швецию, для чего ей будет обещано возвращение Финляндии, а другой – приобретение прибалтийских провинций. Куракин считал

необходимым для России немедленно отреагировать на сложившуюся ситуацию: следует «уже сейчас расположить вдоль наших границ от Балтийского до Черного моря армию по меньшей мере в 200 тыс. человек, способную сдержать, подавить смуту, которую стараются посеять в наших провинциях, бывших ранее польскими». Однако при этом не должно быть нанесено «ни малейшего ущерба» союзу России с Францией³⁵.

Весьма чувствительным для русского правительства был вопрос о так называемых смешанных подданных, то есть о поляках, имевших земельную собственность в разных государствах, поскольку они «безнаказанно могли вредить России, имея постоянный доступ в ее владения и разнося повсюду волнения или вступая в службу Герцогства Варшавского»³⁶. А. Б. Куракин в своем донесении графу Румянцеву от 21 октября (2 ноября) 1809 г. писал, что считает необходимым обратить его внимание «на ревность, с которою поляки – владельцы имуществ, находящихся в областях, принадлежащих нашему правительству, и потому его подданные, стремятся вступать на службу Герцогства Варшавского». Среди них он называл, в частности, князя Д. Радзивилла, почти все имения которого находились в пределах России и который прибыл в Варшаву с целью «составить целый полк конницы», князя А. Сапегу, графа В. Потоцкого. Он убеждал канцлера обратиться к Александру I и «испросить повеление», которое «могло бы положить конец этому злу»³⁷. Мнение Куракина не было единичным в русском обществе, например, Румянцев также разделял его. Когда Куракин писал канцлеру, он еще не знал об указе императора, данном 24 августа 1809 г. Сенату относительно жителей пограничных губерний. Александр I заявлял, что, как ему стало известно, «некоторые из поселян и обывателей пограничных губерний [...] отлучаются без ведома начальства их и за границу, предаваясь в своей простоте ложным и неосновательным слухам». Нарушителей порядка приказывалось «ловить» и пойманных из них «годных» отдавать в солдаты, а «негодных» – в крепостные работы. Основная цель указа была заключена в статье о дворянах: «Если бы паче чаяния и из дворян и помещиков кто-либо был обличен в таковом преступлении, или же в попущении, подговоре, а паче в доставлении каких-либо способов к вооружению, каковых имения немедленно конфисковать, а самих их предавать суду по всей строгости законов»³⁸. Некоторое время спустя это положение, вызывавшее недовольство поляков, было отменено³⁹.

В одной из бесед, состоявшихся в конце 1809 г. между Александром I и А. Чарторыским, князь упрекнул императора в нарушении прав польского дворянства, сказав, что «все русские дворяне имеют право вступать в иностранную службу и не подвергаются конфискации имущества». Позиция Чарторыского определялась и собственными интересами, поскольку значительная часть земельных владений «фамилии», как отмечалось выше, находилась на российской территории, и вопрос о земельном имуществе был для него чрезвычайно важным. Александр I, почти оправдываясь, объяснял, что таково было мнение его министров, что земли были секвестрированы у тех поляков, которые, находясь в Париже, «позволяли себе устраивать всякие демонстрации против русского правительства», что «бывают обстоятельства, когда безопасность государства вынуждает к исключению из правил». В заключение разговора, после долгого молчания, император произнес наконец слова, которые так хотелось услышать Чарторыскому: надо вернуться к старому плану – «дать конституцию и самостоятельное существование» Королевству Польскому и принять титул короля польского. Однако Александр I сразу же сделал оговорку: необходимо подождать, пока Австрия вновь не окажется в разрыве с Францией⁴⁰.

Решение вопроса о судьбе Польши Чарторыский рассматривал главным образом в контексте взаимоотношений между Россией и Францией. Территориальные интересы Австрии и Пруссии, на его взгляд, можно было достаточно легко удовлетворить. Александр I смотрел на польский вопрос в ином масштабе: он должен был держать в поле зрения весь комплекс внешнеполитических проблем, стоявших перед Россией, и наряду со сложной европейской

ситуацией учитывать также задачи «восточной» и «азиатской» политики. Нельзя было настраивать против России Австрию и Пруссию, следовало поддерживать нейтральные отношения с Англией, закончить войны со Швецией и Турцией, не слишком провоцировать на антирусские выступления Наполеона, оттянуть начало назревавшего вооруженного столкновения.

Отношения России с Францией продолжали осложняться: 26 октября 1809 г. в Вене Франция и Австрия подписали военную конвенцию, в которой войска саксонского короля назывались «польскими войсками» и говорилось о «польской армии». В польских газетах появились статьи, поддерживавшие надежды поляков на восстановление Польши, разнеслась весть, что дочь саксонского короля выходит замуж за Понятовского, которому, вероятно, предназначается польская корона⁴¹.

После неоднократных обращений российского правительства к Франции относительно заключения конвенции о Польше и продолжительной переписки по этому вопросу между дворами Шампаньи сообщил русскому послу в Париже Куракину, что Коленкур, французский представитель в России, получил, наконец, полномочия заключить конвенцию. Она должна была базироваться на следующих условиях: в конвенции следовало выразить мысль, что Польша не будет восстановлена и что Княжество Варшавское не увеличится территориально; раздел Польши должен быть признан «оконченным делом», в тех границах, какие утверждены Венским миром в октябре 1809 г. Должно быть оговорено, что будет уничтожено само имя Польши и поляков, что Княжество Варшавское никогда не получит независимого существования, а составит одну из областей Саксонии. Польские ордена будут отменены, и поляки – русские подданные – не смогут поступать на службу в Княжестве Варшавском.

Как только посол Коленкур получил из Парижа полномочия, он немедленно подписал проект конвенции, с российской стороны она была подписана Н. П. Румянцевым. Это произошло 4 (16) января 1810 г.⁴² Однако подпись Коленкура не решала вопроса окончательно – необходимо было утверждение документа Наполеоном. Преамбула конвенции, в частности, гласила: «[...] их императорские величества сочли необходимым дружески договориться о том, чтобы впредь устранить единственный предмет беспокойств, который может повредить их союзу, положив конец опасным заблуждениям и химерическим надеждам поляков на восстановление бывшего Польского королевства, в полной уверенности, что тем самым они принесут пользу самому этому народу, обеспечив его спокойствие и подданство тем державам, которым они принадлежат». Первая статья конвенции была краткой и в высшей степени определенной: «Королевство Польское никогда не будет восстановлено». Затем говорилось об исключении из употребления наименований «Польша» и «поляки», об уничтожении польских орденов, о том, что в будущем территория Княжества Варшавского не будет увеличена. Отдельная статья посвящалась отмене смешанного подданства для жителей России и Княжества Варшавского. Французский император обязывался привлечь к заключаемой конвенции саксонского короля и обеспечить ее исполнение на деле. Конвенция подлежала ратификации, обмен грамотами должен был состояться в течение 50 дней.

Однако ратификация конвенции французской стороной стала затягиваться. По-видимому, открытой переориентации Наполеона от союза с Россией на союз с Австрией в значительной степени способствовали обстоятельства, связанные с его женитьбой: неудачное сватовство к сестре Александра I и вслед за этим неожиданно скоро последовавший брак с австрийской эрцгерцогиней Марией-Луизой⁴³. Во время визита, нанесенного в феврале 1810 г. русскому послу Куракину в связи с объявлением о предстоящем бракосочетании французского императора, Шампаньи упомянул, что Наполеон недоволен некоторыми формулировками конвенции. В частности, это касалось положения, что Королевство Польское не будет восстановлено никогда. Французский кабинет подготовил новый проект конвенции. Изменялась главная статья относительно будущего Польши, в ней теперь отсутствовало слово «никогда».

Ее формулировка стала более сдержанной и несколько неопределенной: «Император французов обязывается не содействовать никакому предприятию, клонящемуся к восстановлению Польского королевства»⁴⁴. Изменялась и статья 6-я о смешанных подданных: им предлагалось в определенный срок остановить свой выбор на одном государстве, подданными которого они будут являться, и продать имущество, находящееся на территории другого государства⁴⁵. Получив новый проект, Александр I собственноручно изложил свои соображения. Прежде всего, он возражал против изменения формулировки принципиального вопроса о восстановлении польского государства. Он отмечал, что конвенция только для того и заключалась, «чтобы в ней положительно было выражено, что Польское королевство никогда не будет восстановлено», и продолжал настаивать на именно такой формулировке. Гарантами этого, считал российский император, должны были стать только французский и российский монархи, в то время как саксонский король мог являться лишь исполнителем воли Наполеона, а не равным действующим лицом⁴⁶.

16 марта 1810 г. Шампаньи представил Наполеону записку, озаглавленную «Взгляд на дела континента и сближение России с Великобританией». В ней он высказывал свои соображения о внешнеполитических задачах, стоявших перед Францией в связи с напряженной ситуацией, сложившейся в отношениях с Россией. Война с Россией – неизбежна, писал он, но время еще не пришло, французские войска заняты на Пиренейском полуострове. Шампаньи полагал, что поскольку Россия по своим торговым и политическим интересам является естественным союзником Англии, то можно ожидать сближения между ними, и это крайне невыгодно для Франции. Учитывая это, Франция должна вернуться к своей прежней политике антирусских союзов. Необходимо приложить усилия для затягивания русско-турецкой войны, в которой задействованы значительные военные силы России, а в будущем обеспечить Франции роль посредника в мирных переговорах, обещая Турции поддерживать ее требования. Следует также укреплять союз со Швецией, настраивая ее против России, однако действовать в данном направлении осторожно, чтобы не вызвать беспокойства России и не подтолкнуть ее к скорейшему сближению с Англией. Шампаньи затрагивал вопрос и о судьбе Княжества Варшавского. Он считал целесообразным восстановление Польши под саксонским скипетром в результате войны с Россией, западная граница которой должна проходить по Днепру. На реализацию польских планов требовалось согласие Австрии, для получения которого предполагалось обещать ей Силезию, а также приобретения в Валахии и Сербии. Пруссия должна была быть уничтожена, так как представляла собой форпост русского влияния⁴⁷. Такой подход обусловливался внешнеполитическими соображениями более крупного масштаба, чем француско-польские отношения. Мнение польских политиков во внимание не принималось.

На свадебные торжества в Париж прибыл Алексей Борисович Куракин, брат русского посла в Париже, министр внутренних дел России. Во время приема, данного в честь этого события, между ним и Наполеоном состоялась беседа, однако вопрос о конвенции в ней не затрагивался. Куракин лишь сказал Наполеону, что ему как министру внутренних дел и начальнику полиции известно о событиях в областях, «присоединенных от прежней Польши во время австрийской войны»: там не только собирались значительные денежные средства для восстановления Польши, которые передавались в Княжество Варшавское, но имело место «просто переселение поляков», подданных российского императора, вступавших в войска Княжества. Разговор о конвенции по польским делам зашел между ними позже – в июне 1810 г. На вопрос императора, знает ли он об этой конвенции, Куракин ответил, что Александр I познакомил его с ней перед отъездом из России. И тогда Наполеон в изящной дипломатической манере подтвердил свой отказ от прежней определенной формулировки о невозможности восстановления польского государства. Он произнес: «Могу ли я взять на себя обязательство, что Польша никогда не будет восстановлена? Только божество могло бы дать такое обещание»⁴⁸.

Русский посол в Париже Александр Борисович Куракин имел полномочия исключительно на подписание варианта, предлагаемого российской стороной. Сам он находил изменения, внесенные французской стороной в текст конвенции и категорически отклоняемые Россией, «незначительными» и считал, что для России гораздо выгоднее сделать уступку Франции, нежели дать ей возможность уклониться от подписания соглашения и «возложить вину» за негативный исход переговоров на «упрямство» России⁴⁹. Однако обе стороны проявляли крайнюю неуступчивость. Видя нежелание Франции пойти на подписание российского проекта, Н.П. Румянцев в послании от 7 (19) сентября 1810 г. предписал послу Куракину прекратить всякие демарши по вопросу о конвенции⁵⁰. В итоге конвенция подписана не была, напряжение в отношениях между странами продолжало возрастать. К концу 1810 г. Россия вышла из континентальной системы, которая была создана Наполеоном для противодействия торговой политике Англии с целью добиться ослабления своего основного европейского соперника. К антианглийскому объединению Россия была вынуждена присоединиться после Тильзитского мира, что наносило большой ущерб ее экономическим интересам. 19 (31) декабря в России был введен новый тариф на французские товары, ущемлявший интересы Франции, а российские порты стали открыты английским судам⁵¹.

После того как стало ясно, что достижение договоренности между Россией и Францией оказалось нереальным и что уже в ближайшее время обострение отношений между ними может привести к прямому столкновению, обе державы стали еще более пристально следить за ситуацией в Княжестве Варшавском. Княжество представляло исключительную важность как территориальный барьер между Россией и Францией, а также как возможный источник военных и материальных ресурсов в надвигающейся войне. Поскольку дипломатические шаги по урегулированию польского вопроса оказались безрезультатными, надо было думать если не о привлечении на свою сторону поляков, то, по крайней мере, об их нейтрализации. В этой связи российский император не оставлял усилий по созданию благоприятного впечатления среди поляков относительно позиции России по польскому вопросу. В апреле 1810 г. Александр I высказал Чарторыскому мысль о возможности объединения под особым управлением 8 бывших польских губерний с целью привлечь шляхту на свою сторону⁵². Между ними обсуждались планы, иногда совершенно далекие от реальности. По свидетельству Чарторыского, Александр I говорил о проекте, «по взаимному уговору», начать фиктивную войну России против Княжества Варшавского, с тем чтобы русские войска, вступив на территорию Княжества, «могли бы занять такие позиции», с которых при присоединении польских войск можно было бы противостоять французам; «при таких условиях, – заявлял он, – все желания Польши были бы выполнены». Чарторыский считал, что Россия имеет мало шансов на успех в борьбе с Наполеоном, и, по его свидетельству, российский император вынужден был признать, что «в конце концов было бы вполне естественно, что поляки, взвешивая силы обеих держав, талант и опытность их генералов и войск, огромную вероятность успехов Наполеона во всякой войне, не захотели прибегнуть к правительству России из страха лишиться плодов своих многолетних усилий»⁵³.

На встрече Александра I с А. Чарторыским, состоявшейся в декабре 1810 г., инициатива в разговоре принадлежала российскому императору. Настало время доказать полякам, заявил он, что Россия не враг им, а «настоящий преданный друг», и не она является единственным препятствием к восстановлению Польши, но, напротив, именно она и сможет осуществить его. У Александра было к Чарторыскому несколько вопросов. В частности, придавая большое значение общественному мнению, он хотел бы знать, какими сведениями располагает князь о «настроении умов» в Варшаве. Затем он спросил, считает ли Чарторыский, что «варшавяне горячо откликнутся», если дать им не просто надежду, но «полную уверенность в возможности восстановления их отчизны», «пойдут ли они за всяким», кто даст им эту возможность. Его также интересовал вопрос о позициях отдельных «партий» и «кто среди военных поль-

зуется наиболее сильным влиянием»⁵⁴. Александр I просил Чарторьского собрать сведения относительно настроений поляков в Княжестве Варшавском. Выполняя поручение императора, в письме от 18 (30) января 1811 г. Чарторьский сообщал, что «армия и жители Герцогства Варшавского единодушны в своих желаниях и стремлениях», что единственная их цель – это восстановление и объединение Польши, в которой было бы установлено «конституционное управление». Их стремления, как утверждал Чарторьский, не являются «следствием какой-либо предубежденности против русских, которой собственно в народной массе нет, вернее, они вызываются чувствами лояльности и самосохранения, которые Вы, Ваше величество, хотя и препятствуют Вашим видам, все же признаете чувствами разумными и достойными уважения». Со стороны Чарторьского это заявление не было простой констатацией фактов, оно явилось предложением для очередной попытки оказать давление на российского императора. Чарторьский разъяснял, что «одного лишь сохранения преимуществ, какими уже пользуется Герцогство [...], недостаточно для того, чтобы склонить правительство и вождей армии, за которыми последуют жители и войска, покинуть их союзника [т. е. Наполеона. —Г.М.], являющегося в настоящее время их опорой, которому они обязаны своим существованием и который до сих пор был единственным протянувшим им руку помощи и выведшим из могилы»⁵⁵.

Превознося заслуги Наполеона перед Польшей, Чарторьский преследовал цель своеобразного торга с Россией, расширяя круг предъявляемых ей требований. По его мнению, предложения России должны «с лихвой» отвечать интересам поляков, «чтобы благо родины являлось для них уже как нечто осуществленное, а не в форме сомнительных обещаний». «Поэтому, – убеждал Чарторьский императора, – я считаю гарантию конституции, законов, автономного управления, национальной армии и назначения должностными лицами поляков необходимой для этого предварительной мерой, потому что преимуществами этими Герцогство уже пользуется и потому что каждая нация дорожит такими преимуществами более всего»⁵⁶. Конкретизируя свою позицию, Чарторьский назвал три пункта-условия, реализация которых удовлетворила бы и правительство Княжества Варшавского, и армию, и народ: во-первых, это восстановление Конституции 3 мая 1791 г.; во-вторых, соединение всех частей Польши под одним скипетром, ибо без этого родственники «делаются чужестранцами», земельные владения оказываются в разных государствах, возникает необходимость повиноваться воле нескольких монархов. Это условие диктовалось материальными интересами польской шляхты, прежде всего, магнатов. Вполне понятно, что при возникновении состояния войны между странами, в состав территорий которых входили земельные владения магнатских семейств, их положение оказывалось чрезвычайно сложным. Экономические интересы были отражены и в третьем пункте – обеспечить «выходы для торговли, без которых эта истощенная теперь и обедневшая страна никогда не будет в состоянии подняться»⁵⁷. Таким образом, экономические расчеты проявились в выдвигавшихся условиях достаточно отчетливо, и это еще раз показывает, что идейные и политические воззрения отдельных польских деятелей объяснялись не только национально-патриотическими чувствами, но и материальными соображениями.

Выдвигая основные условия-требования, Чарторьский изложил Александру I и возможные выгоды, которые могли бы появиться при их выполнении: надо попытаться склонить на сторону России правительство и армию Княжества Варшавского, и если бы этот шаг оказался успешным, то мог бы «сильно повлиять на успех всякого предприятия», а вера в возможность победы России в войне с Наполеоном способствовала бы росту симпатий к ней среди жителей Княжества. На вопрос Александра I, кто пользуется наибольшим влиянием в польской армии, Чарторьский с уверенностью ответил: князь Ю. Понятовский⁵⁸.

31 января 1811 г. Александр I направил Чарторьскому письмо, в котором анализировались выдвинутые князем соображения. Оно также состояло из нескольких пунктов. В пер-

вом прямо декларировалось: «Держава [...], которая желает взять на себя восстановление Польши, – Россия». Затем император разъяснял, какой смысл он вкладывает в это заявление. «Под восстановлением, – писал он, – я имею в виду соединение всех бывших частей Польши, включая и области, отошедшие к России, кроме Белоруссии, так, чтобы границами Польши являлись: Двина, Березина и Днепр». Обещания, касавшиеся территории будущего польского государства, были весьма щедрыми. Территориальные потери Австрии, по мнению Александра I, можно было бы компенсировать следующим образом: взамен Галиции предложить ей Валахию и Молдавию, до реки Серет. Но сначала Польское королевство будет состоять из Княжества Варшавского и российских польских провинций⁵⁹.

Относительно национальности чиновников, назначавшихся на административные должности в новом польском государстве, Александр I был полностью согласен с Чарторьским: и государственный аппарат, и армия должны быть «чисто национальными, польскими». Александр I просил Чарторьского прислать ему текст Конституции 3 мая 1791 г., поскольку не помнил хорошо ее положений и потому не мог ничего решить, «не справившись с ними». «Во всяком случае, – заверял он, – Польше будет предложена конституция либеральная, способная удовлетворить желания населения»⁶⁰. Для того чтобы поляки убедились в искренности намерений российского императора, он считал необходимым прежде всего провозгласить восстановление Польши. Казалось, что в ближайшее время это должно произойти. Однако речь не шла о независимом польском государстве. Император твердо заявил: «Но при этом я ставлю следующие условия *sine qua non* – Царство Польское навсегда присоединится к России. Русский император с этих пор будет называться императором Российским и царем Польским». За столь благие намерения российского императора поляки должны были выставить 50-тысячный корпус против Наполеона. Раздумья у Александра I вызывал вопрос о выборе подходящего времени для провозглашения восстановления Польши: когда целесообразнее это сделать – в момент разрыва отношений с Францией или же «когда военные действия принесут нам уже некоторые важные выгоды»⁶¹.

Александр I, подчеркивая конфиденциальный характер обмена письмами с Чарторьским, замечал, что «даже канцлер не знает о нашей переписке». И действительно, следующая фраза явно не подлежала огласке: «Я решил не начинать войны с Францией, пока я не буду уверен в содействии поляков». Польские планы императора должны были держаться в секрете, хотя ему было известно о возраставшей поддержке их в русских кругах: «В петербургском обществе, – писал он, – все более распространяется и укрепляется идея, что я должен принять титул короля польского». Однако сам он придерживался мнения, что «все эти разговоры в настоящий момент скорее вредны, чем полезны», и потому старался прекратить их, утверждая, что это неосуществимо. Император посчитал нужным предупредить Чарторьского, что, по имеющимся у него сведениям, за польским князем следит французская полиция и потому лучше будет вообще прекратить их переписку. Он еще раз подтвердил свои соображения относительно Наполеона и Польши: «На Ваших соотечественников Наполеон смотрит как на орудие своей ненависти к России»⁶². Александр I полагал, что война между Россией и Францией неизбежна, и ожидание ее накладывало отпечаток на характер российской внешней политики в целом, в том числе и на подход к решению польского вопроса.

Император поддерживал контакты и с другими польскими деятелями, в частности, с политической группировкой литовских поляков, придерживавшихся пророссийской ориентации и надеявшихся за свою лояльность получить определенные выгоды⁶³. В нее входили крупные земельные магнаты М. Огиньский, К. Любецкий, Л. Плятер. Особенную активность проявлял Огиньский, подробно изложивший в своих воспоминаниях содержание бесед с российским императором. В июне 1810 г. он, находившийся тогда в Петербурге, был приглашен к «обеденному столу» императора и имел с ним продолжительную беседу. Александр I говорил о планах

Наполеона относительно поляков, подчеркивая, что тот «будет увлекать их самыми лестными надеждами». Сам Огиньский не разделял надежд многих своих соотечественников на Наполеона и полагал, что лучшим путем для Польши было бы восстановление ее «под покровительственным господством императора Александра»⁶⁴. В этой беседе Огиньский так же, как это постоянно делал Чарторыский, твердо заявлял о своей позиции: «он сам поляк» и «ничто не в силах направить его образ мыслей против соотечественников». В ответ Александр I заметил, что знает ход его мыслей, знает все, что Огиньский сделал для своего отечества, и убежден, что «человек, служивший верно отчизне, не может изменить своему долгу». Император сказал Огиньскому, что сам он никогда не одобрял раздела Польши, более того, осуждал его, однако он считает, что было бы несправедливым возлагать на «новое русское поколение» ответственность за «прежние несчастья поляков». По свидетельству Огиньского, Александр I сказал о своем отношении к полякам так: «Я всегда высоко ценил ваш народ и надеюсь со временем доказать вам это, не руководясь в моих действиях видами личной пользы»⁶⁵.

Вскоре М. Огиньский получил чин тайного советника и звание сенатора. Он совершил поездку в Париж, где повидался с проживавшим там своим семейством. Париж был полон слухов о приготовлениях Наполеона к войне против России. Как полагали находившиеся во Франции поляки, война предпринималась Наполеоном «с целью восстановления их самобытности». В Париже состоялась встреча Огиньского с Ф. Ц. Лагарпом, который говорил ему «о симпатиях своего питомца с самых юных лет к участи Польши и поляков». Возвращаясь в Петербург через Варшаву, Огиньский стал «свидетелем патриотического увлечения соотечественников» Наполеоном, которого сам он не разделял. Прибыв 9 (21) апреля 1811 г. в Петербург, уже 13 (25) апреля он был приглашен к Александру I. После обеда, уединившись в кабинете императора, они обсуждали политические проблемы, в частности, говорили о подготовке Наполеона к войне и его стремлении опереться на поляков. Александр I сомневался в том, что Наполеон рискнет выступить против России. Огиньский высказал мысль, что если бы русская армия двинулась через Княжество Варшавское в Пруссию, то тогда польские войска примкнули бы к русским. Александр I провозгласил бы себя польским королем и «обнадежил жителей Герцогства Варшавского в соединении их с литовцами», при этом он приобрел бы «двенадцать миллионов верных поляков, готовых на всякую жертву ради восстановления своей отчизны». Однако император заявил, что не хочет начинать войну. Он уверял Огиньского в своем расположении к полякам: «Настанет время, когда поляки убедятся, как высоко ценю я их и какое участие принимаю в судьбе их». В планы Огиньского входило заметное увеличение территории Литвы или образование территориальной единицы, центром которой являлась бы Литва. Он предложил Александру I провести административные изменения – образовать особую провинцию под названием Великого Княжества Литовского, в состав которой должны были войти Гродненская, Виленская, Минская, Витебская, Могилевская, Киевская, Подольская, Волынская губернии, а также Белостокский и Тарнопольский округа. Во главе этой огромной провинции он предлагал поставить великую княгиню Екатерину Павловну. Император был несколько озадачен предложением Огиньского, и у него возник целый ряд вопросов: не слишком ли обширна территория предполагаемой «провинции» для управления одним лицом; согласятся ли называться литовцами жители Волыни, Подолья, Киевской губернии и, наконец, насколько успешно будет соотноситься этот проект с финансовой системой империи, развитием торговли, военной организацией и др. Разговор продолжался около трех часов, и в завершение его Александр I попросил Огиньского представить высказанные им соображения в письменном виде⁶⁶.

15 (27) мая 1811 г. Огиньский прочитал императору подготовленную им «Записку о политическом значении Польши в виду России и Франции»⁶⁷. Одновременно он представил и проект указа о новой организации западных губерний России, состоявший из 11 статей⁶⁸. Огиньский сообщил Александру I, что, по имеющимся у него сведениям, Наполеон направ-

лял в Литву агентов «с поручением исследовать общественное настроение, подстрекать жителей и распространять положительные уверения о намерении его расширить Польшу до самой Волги». Он высказал соображение, что «пока Наполеон будет расточать полякам лицемерные обещания и льстить их патриотизму, а с другой стороны, Россия не выйдет из нынешнего апатического бездействия, энтузиазм и надежды поляков будут все более расти и развиваться». Огиньский пытался убедить русского императора в том, что в случае начала войны с Францией ему следовало бы немедленно объявить себя польским королем, чем он сразу расположил бы к себе жителей Княжества Варшавского, и затем «оставалось бы только обозначить пределы этого нового королевства и способ его управления на основаниях, выгодных для поляков и не нарушая интересов империи», т. е. вопросы о границах будущего Королевства Польского и организации его системы управления откладывались на более позднее время. Несмотря на свою в целом пророссийскую ориентацию, Огиньский постоянно подчеркивал невозможность и нежелательность полного вхождения Польши в Российскую империю. Он замечал, что «покорить – не трудно», но «нужны многие годы, чтобы привязать к себе новых подданных». И, наконец, «едва ли согласуется с законами природы слияние двух народов воедино настолько, чтобы они составляли единое целое». Таким образом, наиболее образованные представители польской политической элиты, к числу которых принадлежал и Огиньский, понимали, что процесс объединения польского и русского народов в единое государство является делом сложным и даже вряд ли возможным. Этому препятствовал целый ряд факторов: исторический опыт, включавший прямые военные столкновения, притязания на одни и те же территории, различие в уровне культуры, различная ментальность, отличия в нравах, обычаях и, наконец, столь важный момент, как принадлежность к разным вероисповеданиям.

Подход Огиньского к литовским проблемам был несколько иным, поскольку они затрагивали его интересы гораздо глубже. В «Записку» он включил краткий экскурс в историю «литвинов», содержащий весьма высокую национальную самооценку. В частности, литовский магнат писал: «Принадлежащая России часть Польши составляла особенное самостоятельное владение – Литву – еще до присоединения этой последней с Польским королевством. Жители Литвы искони отличались воинственным духом, предприимчивостью, ревнительностью к своим правам, верностью монархам, мужеством и любовью к отечеству». Подчеркивалась «отдельность» Литвы от Польши – даже совместное государственное существование не привело к их полному объединению: «Они [«литвины». — Г. М.] всегда гордились своею народностью, и хотя и соединились с Польшею, однако сохранили свои обычаи, гражданские законы и местное самоуправление, свою армию, верховные суды, министров, государственных сановников и даже сейм». Огиньский замечал, что если бы в свое время, когда эти земли только вошли в состав Российской империи, из них было создано государство, хотя бы и «неразрывно соединенное» с Россией, «но со своим отдельным управлением, то туда нелегко было бы проникнуть какому бы то ни было иноземному влиянию». И делался соответствующий вывод: если бы теперь перечисленным выше восьми губерниям император даровал «сообразную с местным управлением и характером жителей организацию», то признательные жители образовали бы на западной границе империи «оплот более надежный, нежели все расположенные там войска и крепости». Затем в «Записке» предлагались конкретные рекомендации-требования: сохранить за этим государственным образованием название «Литва», поставить во главе его лицо «с титулом», восстановить, с необходимыми изменениями, Литовский статут и др. В заключение Огиньский объяснял те выгоды, которые получит Россия от такого политического шага: «исчезнут приверженцы Наполеона», «литвины», отошедшие от дел, вернуться и будут храбро защищать границы империи. Это воодушевило бы и население Княжества Варшавского, способствовало бы возвращению эмигрантов и т. д.⁶⁹.

Александр I внимательно выслушал зачитавшего записку Огиньского и, ничего не обещая, сказал, что воспользуется изложенными в ней мыслями. Огиньский отъезжал в четырех-

месячный отпуск в Литву, и император просил его передать землякам, что занимается их судьбой и что рассчитывает на их преданность. «В случае войны, – сказал он, – я образуя польский корпус в такой же связи с Российской империей, как Венгрия и Богемия с Австрией». А если войны не будет, то он надеется осуществить, как заметил он Огиньскому, «наш великий план относительно Литвы». Так что обещания со стороны российского императора были весьма широкими, авансы давались большие. И в какой-то степени это способствовало росту осложнений, возникших в отношениях с поляками много позднее⁷⁰.

На протяжении 1811 г. Огиньский продолжал работать над усовершенствованием своего плана. В октябре он представил императору «Проект указа о новой организации западных губерний», в соответствии с которым восемь вышеназванных губерний, а также Белостокский и Тарнопольский округа должны были образовать Великое Княжество Литовское. Возглавлять его будет титулованное лицо с местопребыванием в Вильно, управлять им будет наместник, должна быть создана и отдельная литовская администрация. Основным законополагающим актом становился Литовский статут. Официальным языком признавался польский, все должности по государственному управлению должны занимать только уроженцы и землевладельцы Великого Княжества Литовского. Иными словами, при формировании администрации Княжества предусматривался как национальный, скорее даже региональный, так и сословно-имущественный ценз. Особо оговаривалось, что «все суммы на поддержание народного образования и содержание учебных заведений [...] навсегда отделяются от всех прочих отраслей общественных доходов», т. е. на финансирование образования выделялась специальная статья. Здесь проявлялось понимание значения образования для воспитания подрастающего поколения⁷¹.

М. Огиньский настойчиво убеждал Александра I в необходимости создания Литовского государства. Об этом шла речь и в беседе, состоявшейся 15 декабря 1811 г. Он пытался даже оказать давление на императора, заявляя, что Наполеон может опередить его и провозгласить польским королем себя. Огиньский предлагал, образовав Великое Княжество Литовское, «сделать из него Польшу». При этом российский император должен сам объявить себя польским королем на принципах Конституции 3 мая 1791 г. Это соответствовало настроениям польской шляхты западных губерний России, где начали распространяться слухи о создании отдельного Литовского княжества, которое станет ядром будущей Польши. До окончания предстоящей войны с Наполеоном эта новая Польша, считал Огиньский, могла бы ограничиться восемью «литовскими губерниями».

Александр I попросил Огиньского назвать имена восьми «верных соотечественников, по одному из каждой губернии, которым можно было бы доверить составление плана организации этих губерний». С присущей ему осторожностью он не упомянул наименования предполагавшегося государственного образования⁷². Среди предложенных М. Огиньским лиц были заметные политические и общественные деятели: К. Любецкий (от Гродненской губернии), Т. Вавжецкий (от Виленской), В. Гечевич (от Минской), Л. Плятер (от Могилевской), Шадурский (от Витебской), К. Любомирский (от Волынской), Т. Чацкий (от Подольской) и А. Жевуский (от Киевской). Император согласился с его выбором, заменив лишь Жевуского на сенатора Козловского.

Демонстрируя свои либеральные воззрения, а по существу понимая значимость широкой общественной поддержки, в которой он был заинтересован, Александр I завел речь об отношении шляхты к крестьянам. Он сказал Огиньскому: «Не забывайте о земледельцах, это полезнейший класс населения, а у вас все еще обращаются с крестьянами как с илотами»⁷³.

Александр I хотел также знать и мнение А. Чарторьского по всему комплексу польско-литовских проблем. В письме от 12 (24) апреля 1812 г. император задавал ему вопрос: «Полезно ли как предварительную меру организовать Великое Герцогство Литовское, дав ему

одну из двух приготовленных конституций?» Или же это должно быть сделано одновременно с восстановлением всей Польши? В конце письма Александр I еще раз обращал внимание Чарторьского на связь между позицией России по польскому вопросу и предстоящей войной с Наполеоном: «Как поляк, Вы не можете обманываться насчет всех тех несчастий, каким подвергнет себя Ваша родина, если, пойдя под знамена Франции, она тем самым даст России право отмстить ей за все зло, какое будет ей этим причинено»⁷⁴. Таким было предупреждение российского императора незадолго до начала войны Франции и России.

В 1811 г. Александр I намеревался создать в Петербурге комитет из «влиятельнейших поляков» для обсуждения польского вопроса. В этой связи М. М. Сперанский подготовил записку, в которой, в частности, отмечал: «Граф Огинский изготавил уже список людей примечательных. Сообразив сей список с тем, который доставлен был от Северина Потоцкого, кажется, легко будет сделать хороший выбор. Председателем сего комитета полезно было бы назначить графа Завадовского [...]. Поляки его уважают и любят, а для них было бы сие полезно тем, что преградило бы толки о сем комитете»⁷⁵. С. Потоцкий, как сенатор, входил в III департамент Сената, в котором решались дела по апелляции, касавшиеся бывших польских губерний, он являлся также попечителем Харьковского университета, а граф П. А. Завадовский, ранее министр народного просвещения, с 1810 г. возглавлял департамент законов Государственного совета.

Насколько серьезным был подход Александра I к решению польской проблемы, включавшему вариант воссоздания отдельного польского государственного образования, свидетельствует и тот факт, что актуальным он посчитал вопрос о подготовке текста польской конституции. Осенью 1811 г. Александр I поручил Г. Армфельду, занимавшему пост председателя комитета по делам Финляндии, составить конституции для Литвы и Польши. В январе 1812 г. проект был подготовлен. В соответствии с ним Польское королевство должно было иметь собственное «внутреннее устройство», национальную армию и независимую администрацию. Кроме того, Армфельд считал, что необходимо провести также и социальные реформы⁷⁶. В письме от 12 (24) апреля 1812 г. А. Чарторьскому Александр I интересовался его мнением относительно двух представленных проектов конституции, не сочтет ли князь «более полезным сделать из этих двух проектов новый, третий»⁷⁷. Под вторым проектом, по-видимому, имелся в виду проект, автором которого был М. Огинский. Александра I занимал вопрос о введении конституционного правления в самой Российской империи. Как заметил в одном из своих писем сардинский посланник Жозеф де Местр, «император в глубине сердца чувствует неистребимое презрение к устройству своей державы», создается впечатление, что он «намерен учредить [...] подобие третьего сословия»⁷⁸. Однако возраставшая угроза войны с Францией отодвигала проблемы, связанные с разработкой конституций – и российской, и польской, и литовской – на второй план.

В связи с усилением опасности войны и необходимостью подготовки к ней российское правительство проявляло серьезную обеспокоенность настроениями польского дворянства в западных губерниях страны. В январе 1811 г. канцлер Н.П. Румянцев представил министру полиции А. Д. Балашову, в соответствии с его устным запросом, список поляков, принимавших участие в освободительном движении в период восстания Т. Костюшко, включавший 167 фамилий⁷⁹. Он был составлен еще в 1795 г. в Смоленской следственной комиссии, занимавшейся расследованием деятельности участников восстания. По-видимому, усиление политической бдительности требовало учитывать и сведения почти двадцатилетней давности. Подняты были также дела о заговоре И. Дениско, относящиеся к 1797 г. В секретной записке о заговоре кратко излагалась его история. Из нее следовало, что в 1797 г., «по внушениям Франции», «некоторые из поляков, собравшись разными толпами в Молдавии, намеревались составить корпус войск и силою пробраться в Италию для соединения с бригадою Домбровского».

«Главным явным бунтовщиком» являлся И. Дениско, а «скрытными главными содействователями сего мятежа были граф Игнаций Потоцкий, граф Станислав Малаховский и граф Огинский (в настоящем 1810 году пожалованный в сенаторы его императорского величества)»⁸⁰.

Информация о контактах населения западных губерний с жителями Княжества Варшавского накануне предстоящей войны приходила и по военным каналам. В донесении, отосланном П. И. Багратионом 9 февраля 1812 г. из Житомира военному министру М. Б. Барклаю де Толли, в частности, сообщалось, что поляки, приезжающие на «контракты» (ярмарки) в Киев из Княжества Варшавского без паспортов, т. е. без официального разрешения, «не упускают случая овладеть духом и умами своих соотчичей»⁸¹.

21 марта 1812 г. Александр I направил министру полиции С.К.Вязмитинову специальный указ, в котором отмечалось, что «обстоятельства настоящего времени требуют, дабы обращено было особое внимание на правила и образ мыслей помещиков и других обывателей пограничных губерний, не весьма давно к России присоединенных». На основании этого указа министр должен был разослать соответствующие письма военным генерал-губернаторам и гражданским губернаторам, чтобы те представили списки лиц, замеченных в каких-либо подозрительных политических действиях⁸².

Первые сведения начали поступать уже в апреле 1812 г. Из Минской губернии пришло сообщение о «генерале от артиллерии» К. Прозоре, который и «в прежние времена якобы был противник России и ныне не лучше расположен, имеет тайную переписку за границу»⁸³. Гродненский гражданский губернатор сенатор В. С. Ланской в донесении от 13 апреля 1812 г. излагал свои принципы, которых он придерживался при исполнении должности: «Всегда было первым моим долгом обращать самое строгое внимание на правила и образ мыслей здешних помещиков и обывателей». Однако, как писал он, «не преступая правил строгой справедливости», никого «указать» нельзя. Правда, он не мог бы поручиться за их «всегдашнюю верность», поскольку, отмечал он, «известная гибкость здешних умов с переменою обстоятельств, нам неблагоприятных, тотчас изменит нам; перемена обстоятельств в пользу нашу, после первых двух или трех выигранных баталий, увеличит к нам расположение и приверженность». Таким образом, склонный к аналитическим раздумьям губернатор предвидел возможные варианты развития дальнейших событий. Он понимал, что в случае неудачного для России хода войны «все против нас восстанет со всех сторон». Ланской утверждал вполне определенно, «по совершенному знанию наклонности умов здешних» (а гродненским губернатором он был с 1803 г.), что одни будут действовать с «энтузиазмом патриотизма, свойственным каждому благомыслящему [человеку. – Г.М.], потерявшему свое отечество», другие – побуждаемые «алчностью обогатиться грабежом» и третьи – «из-за боязни своих собратий [...], ибо иначе его самого, яко изменника, погубят». Губернатор все же прилагал краткий список «неблагонадежных» лиц, сопровождая его словами: «Если ход дел будет для нас удачен, они – приверженцы наши, в противном случае – наши враги, волею и неволею»⁸⁴.

Из Волынской губернии также был прислан список неблагонадежных лиц. В их числе упоминались граф А.Ходкевич, князь С. Яблоновский, князь Д. Радзивилл, генерал «французской службы» Княжевич, Ф. Годлевский, помещик Воронин (в пояснении к фамилии которого указано: «подозрителен по ненависти к русским»), И. Избицкий, поручик «французской службы» И.Дениско («подозрителен по прежней своей службе»), упоминался и известный польский деятель Т. Чацкий, учредитель Кременецкой гимназии. О Чацком сделано наиболее подробное примечание: «По остроте ума господина Чацкого трудно проникнуть в образ его мыслей, но по прежнему сильному участию его в польской революции был очень подозрителен. С некоторого же времени как в разговорах своих, так и в самом поведении показывает приверженность свою к России и старается доказать оную хорошими распоряжениями своими по Кременецкой гимназии и вперением в учащих той же приверженности, также частым гово-

рением там речей насчет милостей государя императора. Жена же его весьма подозрительна по ненависти ко всему русскому». Кроме того, названы графы Роникеры, И.Павша («по разговорам своим замечается приверженным к французскому правительству») ⁸⁵. Характерно, что на образ мыслей польской шляхты в западных губерниях обращалось внимание еще и раньше. В «Записке о польской агитации в Волыни и Подолии в 1811 г.» (автор и дата ее неизвестны, но, по-видимому, это было высокопоставленное лицо, потому что он обращался прямо к императору) написано: «Ваше Величество прекрасно знает, что для того чтобы управлять нацией, надо знать ее дух, обычаи и национальный характер» ⁸⁶.

По сведениям, присланным из Киевской губернии, в числе подозрительных лиц оказались: «нынешний губернский маршал Петр Потоцкий», маршал звенигородского повета Обремский, председатель департамента Главного суда К.Проскура, бывший губернский маршал А. Жевуский ⁸⁷. Интересен тот факт, что фамилии некоторых названных выше «неблагонадежных» лиц упоминались в материалах Смоленской следственной комиссии. Это те же самые лица или же их родственники. Так, в следственных делах «по Костюшко» проходят житомирский судья К.Проскура, овручский земский судья М. Павша (за него в свое время было представлено поручительство графа А. Жевуского). Позднее они были либо помилованы Екатериной II, либо освобождены по указу об амнистии, изданному Павлом I сразу же по его восшествии на престол ⁸⁸. Однако несомненно, что в семьях традиции участия в польском патриотическом движении продолжали сохраняться ⁸⁹.

Незадолго до начала войны с Наполеоном российское правительство в целях обеспечения безопасности вынуждено было прибегнуть к непопулярным мерам – высылке неблагонадежных жителей из западных губерний в глубь России. Среди архивных документов сохранился «Список разным лицам, отосланным из Волынской губернии на жительство во внутренние российские губернии», он содержит 27 фамилий ⁹⁰. В документе отмечалась их «социальная принадлежность» в соответствии с градацией, принятой в то время. По социально-сословному составу абсолютное большинство составляли «помещики» (12 человек), «дворян» было 5 человек, «шляхтичей» – 6, еще трое – это «бургомистр», «иностранец», «эконом», у одного социальная принадлежность не указана. Вполне вероятно, что подобные списки были составлены и по другим губерниям.

Российское правительство, усиливая бдительность в отношении поляков, проживавших в западных губерниях империи, одновременно самым пристальным образом следило за происходившим на ее границах, прежде всего за военными приготовлениями в Княжестве Варшавском.

28 апреля 1810 г. военный министр М. Б. Барклай де Толли направил в Белосток коменданту города полковнику К.П. Шицу секретное предписание «тайным образом обращать внимание [...] на все случайности, которые могут вызвать подозрение, сообщать о недоброжелателях, если таковые окажутся в Белостокской области», а также о «скрытых приуготовлениях», касающихся заготовки оружия, обмундирования и т. д. Министр интересовался, нет ли данных, из которых следует, что в Княжестве Варшавском «приуготовляются к войне и какое влияние слухи о том производят над обывателями». Предписывалось сообщать сведения о сомнительных людях и особенно о тех, кто мог быть наиболее влиятелен – «о значащих по богатству или по рождению» ⁹¹. В ответе Барклаю де Толли, отосланном 4 мая 1810 г., Шиц писал: «Образ жизни здешних обывателей и жителей, мысли и их характер несколько мне известны, поелику до последней с французами кампании почти все вообще (за исключением некоторых помещиков) до забранья сего края были в том заблуждении, что будет непременно восстановлено прежнее польское королевство, но нынче об том более разговоров почти не слышно». О военных приготовлениях он никакими сведениями не располагал. Спустя некоторое время, 22 мая 1810 г., в очередном донесении военному министру Шиц сообщал, что «помещики Старжин-

ские, Потоцкий, Оссолинский и прочие, имеющие на здешней и на той стороне деревни, посылают своих экономов и мужиков, хотя за билетами здешнего областного правления [т. е. при наличии официального разрешения. – Г. М.], перевозить сюда свои избытки и на работу, но весьма удобно могут пронести без малейшего затруднения из-за границы отсель письма и прочие известия»⁹².

Специфика пограничных территорий, с одной стороны, делала не слишком трудным осуществление контактов между разделенными владениями польских земельных магнатов, а с другой – создавала также возможности и для ведения разведки с российской стороны, сбора данных о военных приготовлениях на территории Княжества Варшавского. Сведения, получаемые в результате разведывательной деятельности, в целом соответствовали реальному положению вещей. Однако нередко они не подтверждались, а поступающие из различных агентурных источников сообщения даже противоречили друг другу. Источники информации были преимущественно случайны. Попытки налаживания регулярной агентурной работы, ввиду отсутствия соответствующего контингента и малого опыта по ее организации, как правило, оканчивались безрезультатно.

Одновременно военной разведкой проводилась также и работа по изучению общественного мнения жителей Княжества Варшавского. 8 сентября 1810 г. полковник Шиц сообщал военному министру: «Вчерашнего числа получил я новейшее известие из Герцогства Варшавского об некотором образе мыслей поляков против России, о воинском их положении и какие там носят слухи и даже публичные разговоры». Сведения были получены от агента, сообщившего, что «при инспекторском смотре князь Понятовский делал солдатам разные приветствия и ободрения, говоря им, что они есть отрасли того самого народа, от которого в древние времена весь свет дрожал»⁹³. 18 сентября 1810 г. Шиц переслал Барклаю де Толли «рисунок» (план) последних укреплений Праги (предместья Варшавы на правом берегу Вислы), строительство которых ведется солдатами, открыто говорящими, что будет война с Россией⁹⁴. С этого времени информация о строительстве военных укреплений на территории Княжества стала регулярной⁹⁵.

10 октября 1810 г. Шиц сообщил военному министру о полученных данных относительно передислокации войск в Княжестве: «Польские войска под командою князя Понятовского, состоящие из 18 тыс. человек конницы и пехоты, [...] собраны под Пултуск на реву и расположены в лагерях». В том же донесении Шиц писал, что он сам получил достоверные сведения от одного местного жителя, приехавшего из Варшавы, где тот проживал некоторое время, что и «по сие время там гласно толкуют, что непременно будет с Россиею война». У него было много знакомых из военной среды, и он доносил, что «они ни об чем другом ведут разговоры, как только об войне с Россиею»⁹⁶.

Подготовка к войне требовала значительных материальных ресурсов. Шиц получил сведения, что из Шклова нелегально будет переправлена через границу «серебряная и золотая российская монета в немалом количестве в хмелю мимо Кныщенской таможи побочною дорогою». С намерением перехватить ценный груз он лично поехал в предполагаемое для провоза контрабанды место, однако ничего обнаружить не удалось. По его предположению, ценности провезли каким-то другим путем⁹⁷.

Сведениям о военных приготовлениях в Княжестве Варшавском, получаемым с помощью агентуры, придавалось большое значение не только в военном министерстве. Барклай де Толли писал 1 октября 1810 г. полковнику Шицу в Белосток: «[...] план новейшего Прагского укрепления имел счастье подносить государю императору, тот изъявил удовольствие». Одновременно последовало новое задание – достать план крепости в Замостье и других укреплений. С целью стимулирования активности агента Шицу поручалось заверить его, что «труды и усердие, которые он в сих поручениях окажет, удостоены будут высочайшего воздаяния»⁹⁸.

Шиц передал эти ободряющие обещания агенту, добавив, что для ведения работы он будет снабжен паспортом и деньгами⁹⁹. В течение 1810-1812 гг. регулярно доставлялась информация о ходе «крепостных работ» в Княжестве Варшавском (назывались Прага, Модлин, Серадзь, Замостье)¹⁰⁰.

8 декабря 1810 г. Шиц доносил военному министру о предстоящем с нового года увеличении численности войск в Княжестве до 100 тыс. человек. Армия, сообщал он, будет состоять из двух действующих соединений и одного резервного. В Княжестве предполагается выпустить новую монету. Кроме того, Шиц обращал внимание Барклая на то, что «есть помещики – живут в Варшаве, а доходы получают отсюда», т. е. из России. Таким образом, материальные средства утекают из империи, и нет возможности контролировать их использование¹⁰¹.

Высшие чины русской армии, понимая неизбежность военного столкновения с Наполеоном, высказывали свои соображения о мерах, которые необходимо принять. 14 сентября 1811 г. командующий 2-й Западной армией П. И. Багратион представил Барклаю де Толли свой взгляд на сложившуюся ситуацию, которую он рассматривал в широком плане, с учетом затянувшейся русско-турецкой войны. Отмечая, что российской стороной «упущено много времени», он выражал уверенность, что «приятель наш», т. е. Наполеон, употребит все меры для того, чтобы оттянуть момент нападения на Россию. Он объяснял это стремлением французского императора «дать времени туркам двинуться и перейти сильными корпусами на левую сторону Дуная. Коль скоро они перейдут, – писал он, – прогонят Кутузова, тем паче, что его высокопревосходительство имеет особенный талант драться неудачно, и войска хорошие ставит на оборонительном положении, по сему самому вселяет в них и робость». Багратион был учеником и соратником А. В. Суворова. До 1810 г. именно он командовал русскими войсками в войне с Турцией и одержал ряд значительных побед. Ближайшую стратегическую задачу Багратион видел в том, чтобы «теперь не дремать ни минуты», «помириться с англичанами и упросить их, чтобы они принудили турок заключить с нами мир». Он советовал уступить Турции Валахию и Молдавию, а «сербов оставить в независимости», ибо сейчас не время заниматься этими вопросами. Однако уступку Дунайских княжеств он считал временной: «Когда благословит Бог наше оружие, тогда и обстоятельства переменятся, и тот край от нас не убежит». Багратион выразил также свое мнение относительно поляков: «Касательно до Герцогства Варшавского, поляки с природы ветрены, непостоянны и одному государю никогда служить верно не могут, но теперь они принуждены и необходимо должны хорошо против нас драться по той причине, что они почти жалованья не получают, и льстят их грабежом». Далее он писал: «Я считаю самым лучшим способом объявить королем Государя, тогда всё у нас». В случае если император сочтет это неприемлемым, «тогда всем подданным государя, которые выехали на службу в Герцогство Варшавское, секвестрировать их имения в казну без пощады, ибо они, там служа, все доходы из деревень золотом за границу переводят. Теперь такое положение, что деликатность и кротость не у места, оставить их там без имения непременно, яко изменников. Я уверен, что они станут опять проситься, но не пускать и не давать им имения. Если явятся, отослать под стражу или в Сибирь». Предлагая столь крутые меры, Багратион в качестве примера «изменников» называл «Доминика Радзивилла Несвижского и его товарищей»¹⁰².

В сентябре 1811 г. переписка между представителями командования русской армии становится все более интенсивной. В ней отражаются опасения, вызванные угрозой начала военных действий со стороны Наполеона, поскольку в соответствии с его распоряжением все «крепостные работы» в Княжестве Варшавском к 1 октября должны были быть завершены. В начале ноября 1811 г. «из Шавлей» (Шауляя) А. Х. Витгенштейн сообщал военному министру, что располагает сведениями о положении в Княжестве Варшавском: в Замостье, Люблине, Варшаве и Серадзе действительно собраны польские войска, а в последних двух и рекруты для работ по укреплению. «Конскрипция [...] производит большой ропот между дворянами, кото-

рые должны служить рядовыми наравне с крестьянами», – замечал он. Он писал и об очередных предположениях, распространявшихся в польском обществе относительно судьбы Княжества: «Слухи у них носят, что Россия собирает войска к их границам для занятия Герцогства Варшавского и отдачи оногo принцу Ольденбургскому, взамен взятых от него владений». И эти известия, будто бы, воспринимались поляками без «сопротивления»¹⁰³.

4 ноября 1811 г. П. И. Багратион докладывал Барклаю де Толли о сведениях, полученных от агента, посланного им в Княжество Варшавское: «Во всех местах Княжества Варшавского есть циркулярное повеление о изготовлении достаточного количества фуража и провианта для войск», которые должны будут проходить через его территорию. Были известия и относительно нового претендента на польский трон: «Единогласно утверждают, что император австрийский добровольно уступает старую Галицию и что сын его назначается королем польским»¹⁰⁴.

Информация о приготовлениях к войне поступала и с западной стороны границы Княжества Варшавского. Так, российский посланник при саксонском дворе В. В. Ханьков письмом из Дрездена от 1 (13) декабря 1810 г. ставил в известность Барклая де Толли, что отдал распоряжение собирать «сведения по Варшавскому Герцогству». 14 (26) ноября 1811 г. В. В. Ханьков сообщал из Дрездена канцлеру Н. П. Румянцеву, что через Саксен-Готское герцогство проследовали французские войска (8-9 тыс.), они направлялись к Магдебургу для усиления армии маршала Даву. Как ему стало известно из разведывательных данных, в Саксонию вступят французские войска численностью до 10 тыс. человек¹⁰⁵.

Командованием российской армии разрабатывались также возможные планы предстоящих военных действий. В начале 1812 г. Барклай де Толли представил императору доклад¹⁰⁶, содержащий соображения, каковы должны быть действия русской армии в случае начала войны: «Ежели император нарушит мир с Россиею, то первоначальной целью войны несомненно будет завоевание польских губерний. Наклонность обывателей оных к общему возмущению не токмо может споспешествовать его успехам, но и доставит ему большие способы к продолжению войны». Барклай де Толли предлагал опередить неприятеля и провести превентивную «наступательную войну», что позволило бы сохранить за собой материальные ресурсы западных губерний. Основные силы русской армии должны были быть сосредоточены в сборных местах: 1-я армия – в Шавлях, Вильно; обсервационный корпус – в Гродно, Белостоке, 2-я армия – в Брест-Литовске, Луцке. Цель действий определялась следующим образом: «Завладев Герцогством Варшавским, переменить его правительство, присоединить прусские войска к нашей армии»¹⁰⁷.

Насколько напряженной была обстановка в Княжестве Варшавском, свидетельствовали регулярно появлявшиеся известия о начинающейся в ближайшее время войне. Очередной виток опасений возник в конце 1811 – начале 1812 г. В поступившем в январе 1812 г. рапорте командующего корпусом генерал-лейтенанта К.Ф.Багговута из Вильно сообщалось: «В Герцогстве Варшавском беспрестанно твердят, что война неминуемо быть должна около Нового года по тамошнему счислению, [...] что российские войска на Новый год вступят в Герцогство Варшавское». (Сообщаемые сведения поступали с отставанием от реального течения времени из-за несовершенства средств коммуникации.) И далее: «Во всем Герцогстве записывают в народную гвардию из обывателей, из коих выбирают и чиновников, отсылая всех поблизости к крепостям, а там приучают ко всему на военную ногу»¹⁰⁸.

9 февраля 1812 г. П. И. Багратион писал из Житомира Барклаю де Толли о полученных им новых сведениях. В их числе было и сообщение о том, что «князь Адам Чарторижский, фельдмаршал австрийский, вывез из местечка Пулав все движимое свое имение в Австрию»¹⁰⁹. Таким образом, в связи с всеобщим напряженным ожиданием начала войны «фамилия» принимала меры для сохранения своего имущества.

Все тревожнее становились и сообщения о военных приготовлениях в Княжестве Варшавском непосредственно вдоль российской границы. 21 февраля 1812 г. К. Ф. Багвут из Вильно сообщал военному министру о полученном из Ковно «верном сведении», что «в Герцогстве Варшавском по границе удвоена кордонная цепь и розданы боевые патроны двойным комплектом»¹¹⁰. Неоднократно Барклаю де Толли передавались полученные через агентов планы дислокации польской армии, а также ее штатное расписание. 26 февраля 1812 г. о них сообщал находившийся проездом в Княжестве Варшавском полковник граф де Витт. Он же из Радзивиллова направил письмо прямо императору о военных ожиданиях в Княжестве: «Правительство убеждено, что армия Вашего Величества вскоре вступит на их территорию»¹¹¹. К письму Багратиона военному министру от 10 марта 1812 г. был приложен список генералов польской армии. Назывались фамилии дивизионных генералов 1-го класса (Понятовский, Зайончек, Домбровский), 2-го класса (Каменецкий, Соколыницкий, Фишер, Рожнецкий) и бригадных генералов (почти 20 человек)¹¹².

В марте 1812 г. впервые поступило сообщение о том, что Наполеон предполагает восстановить название «Королевство Польское». Посланный в Варшаву агент, «белостокский мещанин», сообщал: в Варшаве распространяются слухи, что французский император, «уничтожив будто бы наименование Герцогства Варшавского, повелел именоваться оному впредь Королевством Польским», и это вызвало восторг у военных¹¹³.

Александр I был обеспокоен таким развитием событий, и, по свидетельству сардинского посланника в Петербурге Ж. де Местра, решил предпринять соответствующие шаги со своей стороны. В письме от 27 мая (8 июня) 1812 г. сардинскому королю Виктору Эммануилу де Местр сообщал: «Император поручил мне составить проект указа о восстановлении Королевства Польского и манифеста, к сему относящегося, что и было мною исполнено». И далее, вполне резонно, добавлял: «Впрочем, навряд ли можно теперь надеяться на что-либо в этом отношении»¹¹⁴.

16 (28) марта в Варшаве был получен приказ Наполеона, в котором значилось, что с этого времени польские войска включаются в состав «великой французской армии», образуя ее 5-й корпус «под командой князя Иосифа Понятовского, у коего под начальством быть должно еще 20 тыс. человек прусского войска». Как сообщал агент, в Варшаву было прислано также «объявление войны французам с Россиею и при оном воззвание к армиям французской, польской и немецкой». В нем Наполеон заявлял, что «будет вести войну с Россиею, которая препятствует ему в постановлении всеобщего на твердой почве мира», и что «в июле месяце придет со своим войском в Санкт-Петербург». Перед поляками рисовались самые радужные перспективы: Наполеон обещал, что «край их распространит он так, что обширность оного будет гораздо более, нежели каковая была при короле Станиславе». На польский престол Наполеон намеревался посадить своего дядю великого герцога вюрцбургского Фердинанда III¹¹⁵.

8 апреля 1812 г. сенатор В. С. Ланской писал военному министру, что, как следует из донесения агента, Наполеон распорядился в срочном порядке сформировать польскую армию численностью 200 тыс. человек, «из природных жителей Герцогства Варшавского», включая уже имеющиеся войска. С этой целью от него поступило 20 млн. франков. Начавшийся немедленно набор (уже третий с начала года) проходит «с великим успехом», в «конскрипцию записывают всех могущих носить оружие, без различия рода, звания и состояния». За Вислой во многих пунктах созданы провиантские склады, а некоторые уже и на правом берегу: в Хелме, Люблине, Вялой, Седльце и др.¹¹⁶. Россиенский уездный исправник Маньковский доносил графу П. Х. Витгенштейну 9 апреля 1812 г. из Кейдан о различном отношении польского населения к сложившейся ситуации. «Гражданские сословия, – писал он, – с войском разделяются в мыслях»: войска не чувствуют тех тягот, которые ложатся на «обывателей», «истощаемых беспрестанными налогами и сильными конскрипциями». По утверждению агента, в Княжестве

наблюдается «крайний недостаток в продовольствии». Эти трудности затронули даже помещиков, вынужденных для уплаты налогов продать свои запасы в Пруссию «по малой цене»¹¹⁷. В мае 1812 г. военному министру поступило очередное сообщение, основанное на агентурном донесении, о тяжелом продовольственном положении в Княжестве Варшавском. В частности, в нем отмечалось, что «кроме Модлина, Сероцка и Плоцка, больших запасов хлебных нигде не имеется», что «между жителями Герцогства Варшавского и прусскими вспомогательными войсками, требовавшими от них продовольствия, доходило, будто бы, до драки». Хорошие лошади, пригодные для кавалерии, «отбираются даже и у путешествующих». Жители крайне нуждаются в деньгах и «никогда не имели столь сильного негодования на свое правительство, как ныне». Войска грабят население, причем «не только иностранные, но даже самые польские поступают с жителями весьма нагло»¹¹⁸.

20 апреля 1812 г. В. С. Ланской писал М. Б. Барклаю де Толли о поступивших к нему сведениях относительно стратегических планов Наполеона. В соответствии с ними все войска, сосредоточенные на территории Княжества Варшавского, должны быть разделены на три колонны: одна, сильнейшая, будет направлена к Бресту, другая – к Мемелю и третья – в Белостокскую область. Французский император, стремясь все больше расположить к себе поляков, обещал им «восстановить Польшу на степень могущества не за 50, но за 150 лет пред сим бывшего»¹¹⁹. Однако не все действия Наполеона находили положительный отклик в Княжестве. Так, Багратион, ссылаясь на полученные агентурные сведения, в донесении от 26 апреля 1812 г. военному министру сообщал, что назначение маршала Даву командующим польскими войсками вызвало огромное неудовольствие князя Понятовского и других поляков¹²⁰.

По мере приближения войны все более важным становился вопрос о продовольственном обеспечении русских войск. И. Н. Эссен в рапорте военному министру от 28 апреля 1812 г. из Кобриня излагал свои соображения о мерах, которые следует принять в случае начала военных действий. Он имел в виду «Брестский запасной магазейн» и запасы пшеницы, «принадлежащей партикулярным лицам и хранящейся в амбарах подле самой реки Буг». Понимая, что «означенные хлебные запасы не должны попасть в руки неприятеля», он хотел бы иметь указания, «когда приступить к их истреблению». М. Б. Барклай де Толли наложил резолюцию: «Предписать, чтобы магазейны перевезть немедленно, а пшеницу в случае неприятельских действий, буде подвергнется опасности, истребить огнем или как сам лучше найдет»¹²¹.

Командование русской армии продолжало разрабатывать планы предстоящей войны. 9 апреля 1812 г. генерал-адъютант князь П.М. Волконский, генерал-квартирмейстер, ставший в 1813-1814 гг. начальником главного штаба, представил императору записку о подготовке русской армии к войне с Наполеоном. В записке он отмечал, что расположение русских войск вдоль границы «от окрестностей Шавлей до окрестностей Луцка, заключающее в себе около 800 верст», и находящихся здесь «магазейнов», по его мнению, имеет «только одну удобность» – обеспечение армии продовольствием, однако не является «выгоднейшим положением для начатия военных действий, так как расстояние от одной армии до другой так пространно [...], что неприятель, вознамерившись начать военные действия и сосредоточив главные свои силы при Варшаве (имея при том два боковых корпуса), может взять внутреннюю операционную линию и, прекратив чрез то всякое сношение между армиями, разбить порознь каждую, будучи в превосходных противу их силах». «Не нужно мне изъяснять о том, сколь выгодна наступательная война, – писал он. – Но, к сожалению моему, я должен заметить, что благоприятное время к наступательным действиям для нас миновалось»: французы перевезли уже весь провиант и фураж в укрепленные места на Висле и за Вислою (Варшава, Модлин, Торн, Грауденц, Мариенвердер и Данциг), а также в крепость Замостье. Они собрали войска численностью 220 тыс. человек, которые могут соединиться против одной из русских армий. «У нас, – писал Волконский, – две операционных линии: 1) от Вильно – чрез Гродно – на Вар-

шаву и 2) от Луцка – через Владимир [Волынский. – Г. М.] – на Варшаву». Волконский считал, что русской армии неизбежно придется вести войну оборонительную. Он, будучи опытным военачальником, хорошо знал, что «россияне всегда там побеждали французов, где дрались с ними в соединенных и сомкнутых силах», и это надо учитывать. Он полагал, что операционная линия русских войск при отступлении, «всем прочим предпочитаемая», должна проходить из Белостокской области через Слоним, Несвиж, Минск, Борисов и далее через Смоленск в Москву. По его мнению, в случае если французские войска вторгнутся на Волынь, то от Владимира-Волынского русские соединенные армии должны следовать через Луцк, Новоград-Волынский, Житомир к Киеву; необходимо также в кратчайшие сроки закончить войну с Турцией, тогда можно будет из четырех дивизий Дунайской армии три присоединить к армии генерала А. П. Тормасова¹²².

В апреле 1812 г. Александр I, как главнокомандующий российской армией, приехал в Вильно, где находился Главный штаб, чтобы непосредственно быть в курсе событий. Несмотря на то, что ожидалась война, светское общество продолжало жить обычной жизнью. По случаю приезда государя давались балы и обеды. Барышни наряжались и старались завладеть вниманием государя. Как писала в своих воспоминаниях одна из дам виленского высшего света графиня С. Шуазель-Гуфье (тогда еще графиня Тизенгауз), «среди самой непринужденной на вид беседы Александр ни на минуту не забывает, что перед ним – представительницы польского общества, которое он хочет в возможно большей мере привязать к себе узами личного доверия и симпатии»¹²³. Власти старались сохранять общественное спокойствие. Вспоминая это время, графиня замечала: «В Литву не пропускали никаких вестей, никогда еще политика не была окутана столь непроницаемой завесой»¹²⁴.

В мае 1812 г. из всех приграничных городов и пунктов поступали сведения о передислокации польской армии и перемещении ее на восток.

С начала июня к Барклаю де Толли стали поступать известия о неожиданных и тревожных сбоях в работе почты. В письме от 1 июня 1812 г. В. С. Ланской сообщил ему, что очередная заграничная почта должна была «прийти вчера, но по сие время не пришла». Таможенные объездчики слышали, что недалеко от границы «почта была остановлена польскими уланами и возвращена обратно»¹²⁵. Почт-директор А. Бухарский также 1 июня уведомил, что, по донесению белостокского пограничного почтмейстера, отправленная 29 мая в Княжество Варшавское почта возвращена, «почтаря не пропустили» через границу и «не приняли от него упомянутой почты»¹²⁶. 2 июня из Бреста полковник В. А. Анохин рапортовал, что «пересылка писем за границу в обе стороны прекращена и производиться не будет»¹²⁷.

5 июня 1812 г. А.П.Тормасов из Дубно направил Барклаю де Толли сведения о положении в Княжестве Варшавском: 1) общая численность французской армии со всеми союзниками достигает там 400 тыс. человек; «польские войска составляют 5-й корпус, ими командует князь Понятовский»; 2) «по недостатку хлеба и денег обыватели Герцогства Варшавского весьма ропщут на французское правительство»; 3) австрийские войска под командованием князя К. Ф. Шварценберга вступили в Княжество Варшавское¹²⁸.

Наполеон продолжал усиливать свои позиции в Княжестве. Весной 1812 г. он направил в Варшаву своего нового посланника – аббата Д. Прадта. В инструкции, данной ему, ставились чисто военные задачи: ему предписывалось в случае необходимости организовать в Княжестве повстанческое движение против России, привлекая к участию в нем и подданных провинций, вошедших в состав Российской империи¹²⁹.

Еще в мае 1812 г. министр Княжества Варшавского Т. Матушевич предложил Наполеону обратиться к полякам с призывом подняться на борьбу против России, однако французский император предпочитал иной путь: по его мнению, внешне инициатива должна исходить

от самих поляков. Одновременно было достигнуто соглашение о провозглашении Королевства Польского и создании Генеральной конфедерации (всеобщего вооруженного объединения поляков), что должно было способствовать широкому вовлечению в антироссийское движение поляков, включая и российских подданных. Вернувшись в Варшаву, Матушевич занялся подготовкой созыва чрезвычайного сейма для провозглашения Генеральной конфедерации¹³⁰.

26 мая (7 июня) 1812 г. саксонский король, князь Варшавский Фридрих-Август I издал декрет об учреждении в Варшаве Центрального правительства, которое должно было функционировать в его отсутствие. Две недели спустя совет министров Княжества официально принял постановление о созыве сейма. Однако российское командование еще не располагало достаточной разведывательной информацией об этих важнейших событиях, и 4 (16) июня 1812 г. П. И. Багратион мог только сообщить М. Б. Барклаю де Толли, что в Княжестве «дворянство призывается в Варшаву для сейма, цель которого неизвестна»¹³¹. Первоначально открытие сейма было назначено на 3 (15) июня, но для сбора депутатов потребовался больший срок, и он начал работу лишь (14) 26 июня 1812 г. Это был третий сейм, состоявшийся в Княжестве Варшавском за все годы его существования. К этому времени и международная ситуация, и положение Княжества с момента его создания претерпели серьезные изменения.

12 (24) июня 1812 г. наполеоновская армия перешла Неман, и началась война с Россией. Польские войска под командованием Ю. Понятовского оказались на переднем крае военных действий. Открывшийся в этой обстановке в Варшаве сейм провозгласил создание Королевства Польского. Польским королем был объявлен саксонский король Фридрих-Август. Матушевичу было поручено подготовить акт о создании Конфедерации.

Главой Конфедерации был избран А. К. Чарторыйский, еще в 1764 г. возглавлявший польский сейм. На публичном заседании сейма 28 июня выступил граф Т. Островский, председатель сената. В изданном отчете о заседании торжественно провозглашалось: «День 28 июня будет памятным днем в истории польского народа, в этот день исполнились наши долгие ожидания и самые горячие желания». Произнесенные Т. Матушевичем слова: «Будет Польша, что я говорю, есть Польша!» были встречены присутствовавшими со слезами радости. «Каждый из нас, – продолжал он свою речь, – вместе с Отчизной словно из могилы восстал и начал новую жизнь». Бурно приветствовалось и чтение акта Генеральной конфедерации, который отредактирован был Прадтом. В его преамбуле с пафосом заявлялось: «Сердца поляков полны одним желанием, чтобы разорванные части отчизны были вновь спаяны в единое тело, чтобы вернуть ее к прежней жизни, к прежнему счастью». Далее следовал призыв ко всем полякам – присоединяться, чтобы скорее наступил счастливый миг, «когда братская Погонь [всадник, герб Великого Княжества Литовского. – Г. М.] рядом с Белым орлом снова украсят рыцарские щиты и знамена, когда на тучных нивах Волыни, на просторных равнинах Подолья и Украины также будут раздаваться радостные возгласы: „Да здравствует Отчизна! Да здравствует Польша!“». Генеральная конфедерация провозгласила: «Королевство Польское восстановлено, и польский народ снова в единое тело соединен»¹³². Здесь прозвучали основные требования польского патриотического движения: самостоятельное государственное существование и объединение всех польских земель, прежде всего присоединение к Королевству Польскому литовско-белорусско-украинских территорий.

Восторгам жителей Варшавы не было предела. Повсюду слышались голоса в поддержку нового государства: «Да здравствует Польша!», «Да здравствует король!», «Да здравствует император!». Автор сообщения в «Дневнике сейма» писал о настроениях поляков: «Счастлив тот, кто пережил дни смуты и неволи, дождался возрождения Королевства Польского»¹³³. Инициатива сейма о создании Генеральной конфедерации немедленно была поддержана на местах. Там также приступили к организации конфедераций, высылали в Варшаву своих представителей и присоединялись к Генеральной конфедерации, приветствуя ее решения.

Акция провозглашения Королевства Польского была инспирирована Наполеоном, преследовавшим цель сильнее привязать к себе поляков и гарантировать себе их содействие в войне против России¹³⁴. Его инициатива легла на благодатную почву – польское общество было готово приветствовать такой ход событий. Провозглашение Королевства Польского с энтузиазмом было воспринято не только депутатами сейма, правящими и политически значимыми слоями общества, но и всем населением Варшавы, а затем и Княжества Варшавского в целом. Об этом свидетельствовали публиковавшиеся в выпусках «Дневника Генеральной конфедерации» списки присоединившихся к ней поляков. Создание Королевства Польского поддержали также и поляки в провинциях, входивших в состав Российской империи, прежде всего в Литве. Провозглашение в 1812 г. акта о восстановлении польского государства стало возможным благодаря сложившейся международной ситуации, которая в этом отношении оказалась благоприятной для Польши. Противостояние России и Франции, их соперничество в достижении политически доминирующего положения в Княжестве Варшавском, в стремлении привлечь поляков на свою сторону, дипломатично завуалированное постоянными взаимными заверениями в искреннем дружеском расположении, привели к затяжным переговорам о заключении конвенции по польскому вопросу. Нежелание идти на компромисс, при том что и Франция, и Россия держали «про запас» козырную карту – восстановление Королевства Польского, обеспечивавшую, казалось бы, выигрышный дипломатический ход, и как следствие – политическое и военное усиление позиций в Княжестве, привело в конечном итоге к срыву переговоров и открытой конфронтации. Начиная войну с Россией, Наполеон в результате проводимой им политики в отношении Княжества Варшавского сумел усилить свои позиции, создав плацдарм, максимально приближенный к границам России, а также расширив базу военных ресурсов для своей армии. Сыграла свою роль и позиция польской шляхты, которая, особенно после создания Княжества Варшавского, все более ориентировалась на Францию. Испытывая глубокую неприязнь к России, она продолжала надеяться на восстановление Королевства Польского в границах до разделов 1772 г. и рассчитывала на помощь Наполеона.

Характер переписки А. Чарторыского с российским императором в это время несколько изменился. В начале июля 1812 г.¹³⁵ он писал Александру I, что восстановление Польши было провозглашено Конфедерацией, во главе которой поставлен его отец А. К. Чарторыский: «Имя Польши, исходящее из его уст [...], становится для меня законом». Начавшаяся война, по мнению польского князя, еще более обострит отношения между поляками и русскими: «[...] жестокости и всякого рода бедствия [...] доведут до крайности закоренелую вражду между обеими нациями, которые должны были бы считать себя сестрами». «Кровопролитная война, – делился он своими размышлениями с императором, – или упрочит существование моей родины, или же покроет ее трауром, превратит в пустыню, довершит ее несчастья». В любом случае Чарторыский считал себя обязанным разделить судьбу своей страны. Он сообщал в письме, что уезжает в Венгрию и Богемию лечиться, и вновь просил Александра I об отставке, поскольку статья 6 Акта Генеральной конфедерации гласила: «Все поляки, находящиеся на гражданской или военной службе в России, должны перестать служить этой державе». Не получив ответа на это письмо, Чарторыский писал Александру I из Карлсбада 4 (16) августа, что молчание императора он принимает за согласие. Для него нет сомнения в том, что «важнейшим долгом является долг по отношению к своей родине»¹³⁶.

2. Княжество Варшавское, Литва и Россия в период военных действий

Начавшаяся война, несмотря на долгие ожидания, оказалась все же внезапной. Графиня С. Шуазель-Гуфье писала, восторгаясь самообладанием русского императора: «Кто бы подумал, при виде любезности и оживления, проявленных в этот вечер Александром, что он как раз во время бала получил весть, что французы перешли Неман и что их аванпосты находятся всего в десяти милях от Вильны! Как он умел владеть собой!»¹³⁷

Александр I, получив известие о нападении французов, срочно через М. Огиньского вызвал в ставку Л.Плятера для редактирования газеты, которую решено было издавать в целях противодействия наполеоновской пропаганде, направленной на «возмущение литовцев»¹³⁸.

Вильно оказался с самых первых дней войны в центре событий. Русские семейства срочно покинули город. 16 (28) июня 1812 г. в него вступила французская армия, в том числе и польские отряды. Польское население литовской столицы встречало их с радостью и восторгом. «Трудно передать волнение, – вспоминала Шуазель-Гуфье, – которое я испытала при виде поляков, которые бежали во весь опор, сабли наголо, но с веселым видом, махая своими флагами национальных цветов, которые я видела впервые. [...] При виде этих истинных соотечественников сердце мое умилилось. Я почувствовала, что родилась полькой, что сознание это вновь пробуждается во мне, слезы радости и энтузиазма залили мое лицо. Это была чудная минута, но она промелькнула как миг. Всюду царило общее опьянение. Во всем городе раздавались торжествующие клики»¹³⁹. Совершенно иное впечатление, чем поляки, произвели, по свидетельству Шуазель, на местное население французы: начались грабежи, голод, «от Литвы требовали солдат, хлеба и денег»¹⁴⁰.

В Литве было создано «временное правление» (Временная правительственная комиссия Великого Княжества Литовского) во главе с С. Солтаном. В его состав вошли А. Сапега, Ф. Ельский, Ю. Сераковский, К. Прозор. Позднее его членами стали Я. Снядецкий и А. С. Потоцкий. Французским комиссаром при правительстве был назначен Э. Биньон. Трое из членов временного правительства прибыли из Варшавы: Ю. Сераковский, «имеющий в Белоруссии свое имение, называемое Сены», А. Потоцкий, «конюший Варшавского Княжества, женатый на дочери действительного тайного советника Тышкевича», князь А. Сапега. «Виленские» были представлены: Ф. Ельским, «подкормчим виленским» (один сын которого раньше служил в русской гвардии унтер-офицером, «был отставлен и после, подделавши фальшивые деловые документы, бежал за границу, другой его сын служил в Варшаве»), Я. Снядецким, ректором Виленского университета, и Ю. Коссаковским, также профессором университета (он являлся «родным братом бывшего виленского бискупа»)¹⁴¹. Временная правительственная комиссия приняла обращение к полякам, извещавшее о восстановлении Польши и призывавшее всех поляков, находящихся «в русской службе, оставить оную и прибегнуть к знаменам польским». В обращении содержалось также обещание возвратить конфискованные имения¹⁴². После отъезда Наполеона из Вильно был объявлен рекрутский набор. Один из братьев Шуазель был назначен полковником в пехоту, а ее старший брат за собственный счет сформировал отряд конной артиллерии. Правда, вообще средств для организации литовских войск было недостаточно и процесс их формирования шел медленно, но все же шел. Тем не менее, Наполеон писал герцогу Бассано, что получил в Литве значительное подкрепление¹⁴³.

Еще до начала военных столкновений между Россией и Францией возникла пропагандистская война – воздействию на общественное мнение придавалось большое значение как одной, так и другой стороной. 22 июня 1812 г. Наполеон обратился к своей армии с воззванием,

напечатанным на французском и польском языках. Оно открывалось словами: «Солдаты! Вторая польская война началась. Первая закончилась при Фридянде и в Тильзите». Эта война, как и первая, утверждал император, принесет славу французскому оружию, а мир, которым она закончится, положит конец влиянию, которое последние пятьдесят лет Россия оказывает на европейские дела¹⁴⁴. В целях обработки общественного мнения и создания нужных для военного руководства настроений среди солдат французской армии использовались и другие методы, в частности, распространялись фальшивые документы. Так, 15 июня 1812 г. из Дубно генерал Тормасов сообщал Барклаю де Толли, что, по полученным агентурным сведениям, «в Княжестве Варшавском распушено много фальшивых прокламаций, между прочим и приказ государя императора Александра, данный будто бы армии, чтобы не шадить никого из поляков, даже младенцев при грудях матерей»¹⁴⁵. Распространялись также прокламации, обращенные «ко всем полякам, не исключая и тех, которые живут в отдаленнейших местах, дабы они и своего имени и звания не забыли»¹⁴⁶. Спустя несколько дней А. П. Тормасов дополнил это сообщение новым известием, что выпущена прокламация «к обывателям полякам, под игом российским стенающим»¹⁴⁷. Эта прокламация-воззвание «К жителям провинций, отторгнутых от Польши и присоединенных к России» была подписана Ю. Понятовским¹⁴⁸.

Польские войска с самого начала войны принимали активное участие в боевых действиях. Генерал Тормасов еще 20 июня 1812 г. известил военного министра о слухах, что через Австрию могут ворваться польские отряды под командой генерала Рожнецкого, вероятно, с целью «оттянуть нас от Волыни», однако, полагал он, «трудно поверить, чтоб Австрия сие им позволила»¹⁴⁹. Первое сообщение о пленных, в том числе и поляках, было отправлено 26 июня 1812 г. Багратионом военному министру из Несвижа. В числе пленных был Я. Врублевский, краковский уроженец, состоявший в конвое Наполеона. Как показали пленные поляки на допросах, их целью было восстановить Польшу, а после – «истребить англичан». Они рассказали, что «хлеба у солдат нет, а берут его грабежом и реквизициею, люди часто терпят голод, лошади довольствуются подножным кормом – овса вовсе нет, они жнут вообще весь зеленый хлеб и тем кормят лошадей – лошади худы до того, что едва ходят. У обывателей ничего нет, все забрано русскими». О положении в армии, об отношениях между польскими и французскими военными они сообщили: «Поляки ненавидят французов оттого, что их теперь держат почти под арестом, что им ничего не верят и что их раскассировали между французами так, что в польских полках – полки стоят чрез ряд с французами – французы боятся, чтоб поляки не перебежали к русским, отчего все польские полки поручены французским генералам»¹⁵⁰.

28 июня 1812 г. П. И. Багратион сообщал Александру I из Несвижа о полученном от Платова донесении, что бригада польских улан, состоящая из трех полков под командованием генерала Турно, вышедшая на рассвете 27 июня из Мира, после нескольких часов весьма упорного сопротивления была совершенно разбита и «обращена в бегство», взято в плен несколько офицеров и много рядовых. Турно «едва спасся с небольшим числом улан, от тех полков оставшихся»¹⁵¹.

Некоторые поляки, проживавшие на территории России, ждали прихода наполеоновских войск и готовились к нему. Примером может служить дело витебского откупщика, который, «приготовляясь принять в городе французов, заказал маляру сделать вывески на всех питейных домах с французским орлом, с тем чтобы тотчас по вступлении неприятеля оные всюду поставить»¹⁵². 7 июня 1812 г. из Полоцка военный министр информировал императора о мерах, принятых в отношении «откупщика-шляхтича в Витебске, который заказал сделать французских гербов». Он отдал приказ витебскому гражданскому губернатору его «расстрелять, при собрании народа, в пример другим»¹⁵³. Директор военной полиции Я. И. Санглен

сообщал военному министру 10 июля 1812 г., что «в городе Витебске во многих жителях видно много патриотизму польского»¹⁵⁴.

В то же время русское правительство стремилось привлечь к сотрудничеству верхушку поляков из западных губерний. В состав образованного «особого комитета по снабжению армии всем нужным» вошли: Т. Вавжецкий, «кавалер ордена св. Александра», Т. Островский, губернский маршал виленский, князь Ф.К. Любецкий, губернский маршал гродненский, граф Рокицкий, губернский маршал минский, граф Плятер. Вопрос об их финансовом обеспечении обсуждался в переписке между В. П. Кочубеем и Д. А. Гурьевым. Из нее следует, что император распорядился, чтобы Кочубей и Гурьев «совокупно [...] сообразили, какое может быть сделано положение для некоторых из чиновников польских наших провинций, кои, быв призваны сюда [в Петербург. – Г. М.] по повелению его императорского величества, находиться могут в стесненных обстоятельствах». Кочубей открыто спросил Любецкого, «какое бы пособие для достаточного их содержания нужно быть могло». Поляки просили дать им только ссуду в 500 червонцев, «которую они обяжутся каждый лично возвратить»¹⁵⁵.

На начальном этапе войны русская армия оказалась в очень трудном положении. Рассредоточенные соединения не давали возможности вести достаточно эффективную оборону, началось поспешное отступление. В начале августа 1812 г., после того как русские войска оставили Смоленск, главнокомандующий армией М. Б. Барклай де Толли был заменен М. И. Кутузовым¹⁵⁶. Русские войска продолжали отступать. 26 августа (7 сентября) между русской и французской армиями произошло кровопролитное сражение при Бородино. 1 сентября состоялся совет в Филях, на котором было решено оставить Москву. Наполеон, понимая, что армия его истощена и не имеет для своего усиления ни материальных, ни людских резервов, опасаясь предстоящей зимы, предложил через командовавшего арьергардом А.Лористона, бывшего до войны французским послом в Петербурге, заключить мир, но Кутузов решительно отказался¹⁵⁷. Наполеон вынужден был покинуть Москву. Он хотел возвращаться другим, не прежним путем, через Калугу, но его войска были остановлены под Малоярославцем. После длительного противостояния с конца сентября по начало октября 1812 г. и победы русских войск под Тарутином 6 (18) октября 1812 г. французам пришлось отступать по старой дороге, проходя через разоренные войной города, села и деревни. К тому времени русские войска, получившие передышку, увеличили свои ряды.

Александр I, как и всегда, придавал большое значение мерам, направленным на формирование общественного мнения. В разговоре с М. Огиньским император сказал: «Если Бог поможет, что нам удастся очистить от неприятеля не только русские области, но и Белоруссию и Литву», то тогда он обратится с воззванием к польским подданным империи. Александр I подтвердил, что имеет в виду планы, о которых говорил еще до войны, при этом никакие преследования или «возмездия» не будут иметь места. Однако таких действий, считал Огиньский, недостаточно: чтобы привлечь к себе польское население «занятых неприятелем областей, в воззвании следует высказать надежду на восстановление Польши». «Само собой разумеется», – согласился император, сделав все-таки оговорку, что время для этого еще не пришло. Он обратился к князю с просьбой заблаговременно сочинить воззвание к полякам, а пока уполномочил его «объявлять», что российский император «решился восстановить Польшу»¹⁵⁸. 7 октября 1812 г. Огиньский представил Александру I проект рескрипта Кутузову и проект воззвания к полякам. Предвидя благоприятный для России исход войны, князь говорил императору, что ему «остается только извлечь из нее пользу, установить на прочных основаниях политическую систему Европы и оградить на будущее время границу России, сделав Польшу ее оплотом». «Воззвание о провозглашении Вашего Величества польским королем, – заявил он, – было бы, без сомнения, действительнее обещаний». Поскольку русские войска приближались к границам Польши, «Витгенштейн перешел Двину, а Чичагов находится в Минске», в высшей сте-

пени важно, настаивал Огиньский, чтобы эти генералы «обратились с масличной ветвью»¹⁵⁹. Он предостерегал, что в противном случае поляки могут начать национальное восстание или же покинуть свою родину. Затем снова речь зашла об общественном мнении, на этот раз – российском. Огиньский полагал, что в Петербурге «все отзовутся утвердительно на вопрос: должна или не должна быть восстановлена Польша на предложенных мною основаниях». Пытаясь склонить Александра I к скорейшему провозглашению себя польским королем, Огиньский находил дополнительные аргументы: союзники положительно оценят такой шаг – «залог сильных средств к борьбе с врагом». Англия, утверждал он, одобрит, потому что это принесет ей выгоду. Вся Европа отнеслась бы «благоприятно» к восстановлению Польши, так как видела бы в ней преграду между Россией и остальным континентом. И с присущим ему лукавством Огиньский добавил, что это выгодно и самой России: «На самом деле преграда эта придавала бы России превосходящий перевес и обеспечивала бы ее от неприятельского нападения». Некоторое опасение, по его мнению, вызывала Австрия, но, учитывая ее критическое положение, можно было рассчитывать на ее согласие и более того – потребовать от нее возвращения Галиции, естественно, за соответствующее вознаграждение. Говорил князь и об экономических интересах части русского дворянства: те, кто лишился в бывших польских провинциях владений, будут лично заинтересованы в таком решении польской проблемы¹⁶⁰.

В подготовленном Огиньским проекте рескрипта Кутузову четко определялась позиция императора по польскому вопросу: «Вам, господин фельдмаршал, и всем, пользующимся моим доверием, известно, что я с давнего времени питаю мысль восстановить польское королевство, дабы сыскать этим существенное приращение сил моей империи, образовать могущественный оборонительный оплот против всякого нападения извне и выполнить желания домогающегося восстановления своей отчизны двенадцатимиллионного населения и таким образом связать оное неразрывными узами с Россиею». В документе содержалось твердое обещание: «Польша будет существовать». От имени императора Кутузову предписывалось: «Скажите полякам, что я всегда умел ценить их храбрость и любовь к отчизне и монархам [...], что я решился восстановить польское королевство и провозгласить себя польским королем, как только войска мои довершат изгнание неприятеля», что поляки «сохранят веру своих отцов и особенное управление с национальными законами на основании столь дорогой для них Конституции 3 мая 1791 года»¹⁶¹.

Проект воззвания Александра I к польскому народу, составленный Огиньским, включал, в частности, следующее положение относительно территориальных границ создаваемого государства: «Как монарх, проникнутый желанием упрочить вашу судьбу и образовать из Польши надежный оплот России, – объявляю перед лицом неба и земли: что я возобновляю и восстанавливаю польское королевство в объеме всех польских воеводств и округов, приобретенных Россиею на основании разделов 1773, 1793 и 1796 [sic!] годов, со включением округов белостокского и тарнопольского». Император должен был заявить, что возлагает на «главу свою» корону Польши, «отдельную по праву верховного господства», при личной унии с Российской империей, и что Конституция 3 мая 1791 г. «станет основным законом польской нации», руководствуясь которым, Александр I будет «царствовать, управлять вами [поляками] и содействовать упрочению вашего счастья». Проектом Огиньского предусматривалось, что до тех пор, пока Россия не заключит мир с Францией, на территории Польши будет действовать временное правительство. Объявлялась амнистия для всех поляков, сражавшихся против русских. За убытки, понесенные в ходе военных действий, жителям было обещано полное возмещение¹⁶². Таким образом, проект обеспечивал максимальные выгоды для поляков, отражая их интересы и подпитывая их надежды.

Необходимость воздействия на общественное мнение населения территорий, занимаемых при продвижении на запад русских войск, понимало также и командование армии. Так,

еще 17 октября 1812 г. П. В. Чичагов направил инструкцию командующему войсками в Литве генералу Е. И. Чаплицу, в которой, в частности, рекомендовалось: «Нам следует выбрать среди жителей Литвы таких, которых можно было бы использовать либо для того, чтобы создать в этой стране благоприятное для нас общественное мнение, либо для того, чтобы распространять наше влияние на большую сферу, а именно на Великое Герцогство Варшавское», с целью нейтрализовать влияние Наполеона. Для достижения этой цели следовало выдвинуть «положительную программу» в противовес обещаниям Наполеона. «Либеральные намерения государя императора, – отмечалось в инструкции, – дают нам возможность предложить им на будущее гораздо более счастливую перспективу, чем та, которую использует Наполеон для их обольщения». Далее детально разъяснялись намерения российского императора: он согласен обеспечить полякам национальное существование, но лишь при условии, «что они заслужат это своим поведением и преданностью ему». Подчеркивалось также, «что благоприятное стечение обстоятельств и важные результаты этой войны дадут возможность осуществить некоторые политические комбинации на прочной и постоянной основе». Только отказавшись поддерживать Наполеона, поляки «вправе надеяться на лучшую участь». В инструкции указывалось: «Именно в таком направлении Вы можете, генерал, работать над созданием в Польше благоприятного для нас общественного мнения». Для этого предлагались и конкретные средства: необходимо «окружить себя доверенными лицами, чтобы они говорили и писали в духе ваших указаний»; направлять эмиссаров; способствовать проникновению в Княжество Варшавское брошюр соответствующего содержания, причем наиболее действенным способом является распространение брошюр о ходе военных действий. Чичагов считал полезным содействовать созданию общества, «целью которого было бы возрождение польской нации под покровительством императора», и в дальнейшем направлять деятельность этого общества. В заключение он еще раз подчеркивал: «Вообще важно восстановить тесные связи с жителями этой провинции [Литвы. – Г. М.] и по мере возможности умножать такие связи с населением Герцогства Варшавского»¹⁶³.

Встреча М. Огиньского с императором, состоявшаяся 1 декабря 1812 г., оказалась для князя весьма огорчительной. Он описывал ее с большой досадой и нескрываемым раздражением. Александр I обратился к нему с почти риторическим вопросом: «Не думаете ли Вы [...], что излишнею поспешностью в этом деле мы можем затруднить достижение предпринятой цели?» Как всегда, акцент делался не на сути, а на сроках решения дела. Одновременно император не переставал обнадеживать князя: как только Наполеон «будет на краю гибели и вне возможности вредить полякам, я восстановлю Польшу»¹⁶⁴. Накануне отъезда в ставку действующей армии в Вильно 7 декабря 1812 г. Александр I вновь пригласил к себе Огиньского и заверил его, что сразу же по вступлении русских войск в Варшаву он «обсудит средства к восстановлению Польши»¹⁶⁵, иными словами, вернется к начальной стадии обсуждения проблемы. Таким образом, усилия Огиньского, представившего уже готовое, по его мнению, вплоть до текстуального оформления, решение, пошли прахом. Император имел обыкновение выслушивать мнения хорошо информированных и знающих людей и не торопиться сообщать собственные выводы, а тем более давать твердые бесповоротные обещания.

По плану Александра I уже к 20 октября российские войска должны были занять необходимые для разгрома наполеоновской армии пункты. Серьезное поражение потерпела французская армия в битве под Красным, продолжавшейся 4 дня (3-6 ноября 1812 г.). В начале ноября войска адмирала П. В. Чичагова заняли Минск, отрезав наполеоновской армии путь на Вольню. Александр I планировал окружить французские войска при их подходе к реке Березине и окончательно разгромить их. Однако несогласованность действий русских армий привела к тому, что хотя при Березине погибло около половины войск Наполеона, отступавших из России, части французских сил все же удалось наладить переправу через реку и спастись. Уце-

левшие отряды французской армии, плотно преследуемые русскими, направились к Вильно. 21 ноября Наполеон издал бюллетень, информировавший страны Европы о постигших его потерях¹⁶⁶. Если летом 1812 г. французские войска, переходя границу России, насчитывали 380 тыс. человек, то в декабре ее пределы покидали около 1 тыс. гвардейцев и 20 тыс. безоружных солдат. Французский император выехал в Париж инкогнито, под именем Коленкура. Находясь проездом в Варшаве, где он пробыл только три часа, Наполеон дал аудиенцию польскому министру финансов и военному министру и сразу же отправился в Дрезден.

Проходившие при отступлении через Вильно французские войска на этот раз создавали у жителей города далеко не праздничное настроение. «Перед нами предстало зрелище, одновременно вызывавшее сострадание и тайный страх – в образе остатков этой армии, шесть месяцев ранее столь прекрасной, торжествующей, могущественной», – вспоминала Шуазель-Гуфье. В течение трех дней на улицах города «толпились люди, которых нельзя было назвать военными, в их смешных неуклюжих одеждах»: у кого на голове была дамская шляпа, кто был одет в церковные облачения, в женские подбитые мехом капоты, с завязанными на шее рукавами, некоторые завернуты в шерстяные одеяла и т. п. «Великая армия», по словам одного родственника графини, «живо напоминала венецианский карнавал или улицу Толедо в Неаполе на масленицу»¹⁶⁷.

Затем в город вошли русские войска, среди первых въехали казаки. Их появление «не вызвало радости». Как отмечала в своих мемуарах литовская графиня, начались грабежи, и у нее лично казаки попытались отнять карету, но «средство передвижения» удалось отстоять¹⁶⁸. Получив от генерала Е.И. Чаплица донесение о взятии Вильно, 28 ноября 1812 г. командующий 3-й Западной армией П. В. Чичагов направил ему распоряжение: «Предписываю вашему превосходительству принять меры устроить сколько возможно порядок в городе, дабы охранить оный от своевольтва и грабежа нижних чинов»¹⁶⁹. Одним из примеров подобного «своевольтва» может служить свидетельство Шуазель-Гуфье: вечерами казаки, переодевшись в мундиры французских генералов и маршалов, веселились вокруг костра¹⁷⁰. Местным жителям, разоренным войной, было не до веселья. В результате боев и тяжелых условий, в которых оказалась при отступлении армия Наполеона, в городе и окрестностях осталось около 40 тыс. погибших. Начавшиеся эпидемии привели к массовой гибели населения в местах, где проходила французская армия.

Двумя днями позже после вступления в Вильно отрядов казаков в город прибыл М. И. Кутузов. Главнокомандующий планировал дать здесь армии отдых. Он был убежден, что после изгнания неприятельских войск с территории России войну следует закончить. Однако Александр I придерживался иного мнения. Он понимал, что Наполеон располагает еще большими резервами, что он может вновь собрать силы и возобновить военные действия. Поэтому российский император считал необходимым вести войну до победного конца и окончательно разгромить наполеоновскую армию, став освободителем Европы.

Прибыв в Вильно, Александр I в первый же вечер навестил графиню Тизенгауз (Шуазель-Гуфье). Она оказалась в весьма щекотливом положении. Ее отец И.Тизенгауз, возглавлявший администрацию Виленского департамента при Наполеоне, и братья, служившие в войсках французского императора, при приближении русской армии бежали из Литвы. Александр I, проявляя свойственную ему в обращении с дамами мягкость, но при этом не упуская из виду и политические цели, сказал ей: «Я не могу обвинять литовцев, им пришлось уступить силе: тайна нашей тактики им была неизвестна. Они не могли предвидеть ни хода событий, ни их направления. Притом, вполне естественно было им желать восстановить свое государство». Он заметил, что Наполеон отверг мирные предложения российской стороны, сделанные в начале войны через А. Д. Балашова: «Я решил тогда принести большие жертвы, чтобы сохранить мир и свободу торговли, без которой государство мое не может существовать. Что Наполеон нико-

гда не думал о восстановлении Польши – это ясно из того, что он не принял тех уступок, на которые я был согласен. В конце концов, я терял лишь завоеванную территорию; империя оставалась неприкосновенной. Он этого не захотел, поэтому мне пришлось проводить план действий, успех которого явился плодом нашей стойкости и помощи свыше». Александр I знал, что его слова достигнут многих ушей и произведут на поляков благоприятное впечатление. В разговоре император проявил то ли некое кокетство, то ли откровенность: «Надо побывать на моем месте, чтобы составить себе понятие об ответственности государя и о том, что когда-нибудь мне придется дать отчет перед Богом в жизни каждого из моих солдат. Нет, престол – не мое призвание, и если бы я мог с честью изменить условия моей жизни, я бы охотно это сделал». Это, как отмечала графиня, было произнесено даже на подъеме к пику славы¹⁷¹. Уже тогда Александр I начал высказывать мысль, которая позднее стала постоянным лейтмотивом в его беседах с близкими людьми, что он хотел бы оставить власть и вести спокойную жизнь с семьей где-нибудь в «домишке на берегу Рейна».

Стремясь расположить к себе литовскую земельную аристократию, Александр I принял решение не подвергать имения магнатов секвестру. Это распоряжение коснулось и семейства Тизенгауз. Графиня немедленно написала отцу, находившемуся в Вене, что генерал-губернатор дал указание оставить их имения в прежнем владении¹⁷². Однако Тизенгауз покинул Вену и переехал в Дрезден, где находились другие члены Литовского временного правительства, надеясь, что в Вене будет подписан договор, и в нем Наполеон «не преминет позаботиться о судьбе Польши». «К сожалению, великодушие Александра стало для большинства столь привычным, что не только не вызывает восторга и глубокой благодарности, но принимается как нечто обязательное», – с грустью констатировала графиня¹⁷³.

Российская армия продолжала наступление. В «Журнале военных действий» 3-й Западной армии под датой 5 декабря 1812 г. сделана такая запись: «Итак, 4 и 5 декабря уже российские знамена развевались за пределами своего отечества в Княжестве Варшавском и на границе Пруссии, вся Россия очищена от надменной неприятельской армии, предводитель ее император французов Наполеон в бегстве искал спасения»^m. О пребывании русских войск сначала в Литве, а позднее в Княжестве Варшавском артиллерийский полковник И. Т. Радожицкий сделал весьма любопытные бытовые зарисовки. В них отразились впечатления непосредственного участника событий. Когда бригада Радожицкого вступила в Гродно, офицеры радовались, что в городе работали рестораны: «за умеренную плату могли мы, после черствых сухарей, понежить вкус свой польскими потравами, и зразами, и гультайским бигосом и выпить филижанку кавы с жирною сметанкою из рук миловидной каси [уменьшительное имя от «Катажина». – Г. М.] – известно, что в целой Европе нигде не готовят столь хорошо кофе, как в Польше»¹⁷⁵. О положении населения в Княжестве Варшавском Радожицкий замечал: «Несмотря на то, что жители Герцогства Варшавского были разорены непомерными требованиями французов, они оказались в лучшем состоянии против литовцев: избы их чище и по хозяйству они зажиточнее. В селениях, около каменных костелов, полубритые, подобно малороссиянам, польские мужики являлись в синих кафтанах: народ крупный и здоровый»¹⁷⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.